

The background is a watercolor illustration. On the left, a woman's face is partially visible, with a large, expressive eye looking towards the viewer. Her hair is dark and rendered with bold, sweeping brushstrokes. The right side of the image shows a cityscape with a prominent church spire and other buildings, set against a warm, hazy sky. The overall style is soft and painterly, with visible brushwork and color washes.

АЛЕКСЕЙ
ВИЛКОВ

Акварель

18+

Алексей Сергеевич Вилков

Акварель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63603878

SelfPub; 2022

Аннотация

Что вы знаете о страсти и что вы знаете о любви? Когда страсть переходит в ненависть, и когда ненависть убивает любовь? Яна Даль любила поиграть с чувствами, создавая свой театр обнаженных инстинктов, предвкушая многое, но не все...

Алексей Вилков

Акварель

1

– Я не люблю тебя, – равнодушно произнесла я и опустила ресницы.

Дима пытался что-то добавить, но его обветренные губы не смогли разомкнуться, словно сжатые стальной пружиной и оцепенением.

– Я не люблю тебя! – повторила я более твердо, подавляя зарождающийся ком в горле. – Как ты мог полюбить такую особу?!

– Не говори так, – его губы задрожали как оголенный пух. – Зачем все бросать на ровном месте?

– Я не могу общаться через силу.

Вследствие дурного настроения мне не хотелось придумывать веские аргументы, взвешивать за и против, впадать в душераздирающую истерику и прикидываться полоумной. Дима достоин лишь презрения, карликового смешка и крикового удара в пах. Он не первый и далеко не последний мой транзитный ухажер. Бесконечная мыльная опера.

Несчастный не собирается уходить без скандала. Ему нужен долгий разговор с выяснением отношений и поиском виноватых. Я же заранее приготовила ему прощальный сюрприз. Очень милый. Чтоб добить. В точку. Навсегда. В нок-

даун.

Он не предполагал, на что способна не уязвленная, не оскорбленная, и не униженная женщина в поисках развлечений. Не уверена, заслужил он этого или нет, но дело сделано. Обратно не вернуть печальные повороты судьбы.

– Не понимаю. Может, это злая шутка, – нервно дергает запонки Дима Вингурт. – Со мной никто так не поступал. Ни одна девчонка не посмела. Ты, конечно, другая. Ты особенная. Я добился тебя потом и кровью. Но для чего? Чтобы ты все разрушила? Ты получаешь удовольствие от своей жестокости? Яна! Почему ты смотришь на меня с отвращением?! Что мне еще сделать, чтобы мы попробовали начать с чистого листа?!

Запонка слетает с края рукава и падает под стол, издавая писклявый звук. Дзынь... Дима пытается достать ее, согнувшись в пол оборота, сдирает с себя вторую запонку и кладет ее в недопитую чашку кофе.

– Ты смешон, – резюмирую я его детскую выходку. – Запонка тебе пригодится.

– Вижу, ты что-то еще придумала. Недосказанность. Твой неподдельный блеск глаз – его не обманешь. Так ты сияешь перед очередной выходкой. Что на этот раз?

Я перекидываю ногу на ногу, чтоб чувствовать себя уверенней и справиться с накатившей ноткой волнения. Мой умирающий ухажер потеет как верблюд в финской сауне. Я чувствую, как из-под его подмышек прыгают вниз холодные

капли-самоубийцы. Его забитые прежде ноздри вот-вот извергнут адское пламя отчаяния, а голова взорвется сотнями прогнивших извилин. В уме ему не откажешь, но применяет его Дима чересчур однобоко. Иначе он никогда не связался бы со мной. Мир тесен. Москва тем более. Мы крутимся на одной раскаленной сковородке и катаемся на одном колесе обозрения. Бесконечный аттракцион. Никто не вырубит рубильник. Заветная кнопка останется нетронутой. Пока мы живы, будем изливаться желчью от остроты ощущений и головокружения.

Да будет так...

– Закажем выпить?

– Я не собираюсь задерживаться.

– А я выпью, – говорит Дима и изображает привычный жест. – Вина! Нет! Водки! Водки!

Пока он ждет официанта, я ставлю шах и мат, чтоб его горло пересохло окончательно.

– Я звонила Вере, – как бы невзначай упомянула я, кокетливо улыбнувшись.

– Подожди, я не расслышал, – ерзает он как каторжник на электрическом стуле.

– Я позвонила твоей жене!

Гримаса изумления покрывает Вингурта лучше любого скульптура.

– Зачем? – выдавливает он резонный вопрос.

– Давно мечтала познакомиться с твоей благоверной. Эта

никчемная тетка доит тебя, как корову. Не понимаю, что ты в ней нашел? Попутал тебя черт жениться так рано. Люди твоего статуса женятся за пятьдесят, а ты позволил охоту- тать себя до сорока.

Гримаса изумления разбивается как глиняный горшок, и накатывает волна растерянности.

– Я не понял! Ты звонила Вере? Ты с ума сошла! Ты не могла так поступить?!

– Вполне в моем духе. Я же экстравагантна и непредсказу- ема. Такую ты полюбил, поэтому и терпел меня. Теперь по- жинай плоды.

– И что ты ей наплела?

– Что ты тряпка и размазня, неудачник, лжец, и в постели ни на что не годишься. Это наблевшее, милый! Мы промы- ли твои косточки и обменялись впечатлениями.

– Да ты...! – он чуть не бросается на меня как ущемлен- ный мавр, которого предали не в первый, но точно в послед- ний раз. Кругом свидетели, и он не решится впиться в мою нежную загорелую шею.

– Не рыпайся, если репутация дорога. Здесь все свои. По- думай, чью мордашку ты увидишь на первых полосах газет? Ты не публичный человек, я знаю, но стать им никогда не поздно. Повод найдется.

Его червонные зрачки готовы выпрыгнуть из орбит и по- скакать по залу, чтоб нырнуть в случайный бокал с шампан- ским. Но невиданная сила удерживает их, и милый напоми-

нает пучеглазого губернатора Калифорнии.

Мы были счастливы, но счастье не длится вечно, тем более мое. Я никогда не позволяла себе привыкнуть к нему и научиться дорожить отношениями. Если бы я вообще чем-то дорожила?! Это не про меня. Мне одновременно и хорошо, и плохо, хочется смеяться и рыдать. Наверно, я садистка, но в этом своя неподдельная прелесть и утонченное очарование, чтоб так причинять боль человеку, до которого даже не дотронулась пальцем. Такое страдание переносится гораздо мучительнее и страшнее. Душевную боль нельзя пощупать и измерить, но можно ощутить. Дмитрий Вингурт на пике этого ощущения. Я наполняюсь теплотой и томлением. Мне жарко, я горю огнем от его злобы.

Как умилительно смотреть, когда перед тобой человек распадается как карточный домик. Как с него слетают маски, как рушится его имидж, и спадает пелена, и он становится таким, какой есть на самом деле, без пафоса и без наносного блеска. Без катафот, мигалок и охраны. Безобидный Дима вовсе не лев, а маленький ягненок, которого настигла хитрая волчица, но есть не стала, так как добыча уже сгнила.

По его терзаниям я понимаю – он готов рвать на себе волосы, коих осталось пара дюжин на самом краю затылка. Чем больше лысина, тем меньше хватка. Аксиома не требует пересмотра. Никогда не буду общаться с лысыми. Хватит последнего опыта. Травмировать себя вредно.

Дима уничтожался и не находил слов, чтоб высказать мне,

что накопилось в его продажной нефтегазовой душонке. От него действительно пахло газом, а из ноздрей текла смрадная и тягучая черная жидкость. В его жилах топливо. Вместо сосудов – дырявые трубы.

Зачем я связалась с ним? Теперь жалею. Сначала вспышка, а потом гарь. Наше первое свидание прошло здесь. Так суждено, что и последняя встреча на том же месте. Символично. Взять на вооружение? Можно. Как бесконечный цикл из точки «а» в точку «а». По кругу.

От размокшего вида Димы у меня портится аппетит. Я и так не ела с полудня, а теперь в меня не влезет ни одна испорченная устрица. Нудно бурчит в желудке, но Дима ничего не слышит.

– Со мной так нельзя, – прорывается он на лай. – Слышишь? Это тебе не шутки.

– О чем ты?

– Молись, что жена не воспримет тебя всерьез! Развод сейчас не входит в мои планы. Мы все это обсуждали! Ты давала обещание не лезть в мою жизнь!

– Это наша жизнь, милый! Как ты относишься ко мне? Как к вещи? Поиграл и бросил? Напоил, покатал, переспал и послал? Нет! Мне надоело быть ее тенью. Теперь твоя жена знает, что тень – она!

– На нее записано половина состояния! Она меня разорит!

– А как же наше счастье? Ты обещал...

– Молчи! – Дима срывается на крик, привлекая внимание

посетителей с самых отдаленных столиков.

Он теревит бумажник и нервно улыбается. Пальцы не слушаются хозяина. Из портмоне вылетают кредитки и мелочь. Несколько купюр падают под стол. Дима неуклюже нагибается в три погибели и поднимает деньги. Лезет в чашку за запонкой и прячет ее в карман взмокшего пиджака.

– А как же водка?

– Исчезни!

Столик пустеет, и я остаюсь одна, окруженная пустозвонами и обслугой. С одной стороны мне стало гораздо легче, а с другой – тошно. Пусть это происходит регулярно, но сегодня особенно плохо. Утешает одно: щедрый Дима оплатил счет и одарил ресторан грандиозными чаевыми, а я в них совершенно не нуждаюсь.

Встречались мы сравнительно мало. Прежде волнительный и феерический роман не оправдал ожиданий. Он не покорял меня как средневековый рыцарь, не одаривал серенадами и не купал в позолоченной ванне с пьянящим шампанским. Он лишь включил меня в список своих повседневных дел и приглашал на свидания как на очередную сделку. Как часто прошлое повторяется вновь и вновь. Не помню, кто сделал первый шаг, и что привлекло в нем – это останется неразгаданной тайной. Дима Вингурт ухаживал долго, даже красиво, немного изящно и немного занудно, но очень обстоятельно. Он боялся разоблачения, держал нашу связь в секрете и нарочито конспирировался. Жена так бы и оста-

лась в неведении, если бы не я.

Я не люблю лгать, и не обманула, когда призналась в неискренности своих чувств. Я не люблю его, и никогда не любила, испытывая только дружеское участие. А Дима? Он пережил бурлящий вулкан страстей. Его будоражили наши обеды и ужины. Я стала его главной сделкой, дорогим долгосрочным проектом, но он так и не записал меня в свой актив. Не помню, какой он по счету, но мой список внушительный, и я сама вставляю в него новые имена. Регулярно. Почти каждый месяц.

Что хочет женщина? Чего хочу я? Вечный вопрос, и вечное отсутствие ответа. Я словно несчастье для любого мужчины.

Устав пережевывать глупые мысли, я созвонилась с Кристиной и отправилась на шопинг-терапию. Мы часто обсуждаем наши серые будни и яркие победы. Сегодня победа моя, а Кристи редко может похвастаться достижениями. Она взбалмошна, многословна, навязчива и заносчива, точно моя карикатура или жалкая копия художника-неудачника.

Изобразить меня очень сложно. Прошлым летом я отдалась в руки самоуверенного мастера на Арбате, рисовавшего незамысловатые портреты карандашами. Он взялся, как ему казалось, за легкую и привычную работу. Я сидела напротив и загадочно вглядывалась в прохожих, создавая отрешенный вид, как требовал того мастер. Через полчаса немного ожидания портрет был готов. Маэстро показал свой шедевр, но

ни одна черта не подходила мне. Портрет казался чужим, а женщина далекой и совершенно не похожей на себя. Мастер удивился, признавшись, что не ожидал подобной лажи. Он долго бегал зелеными зрачками по холсту, ища, где он мог так непростительно сбиться. Я понимала, что меня не уловить, тем более холсту бульварного самоучки. Если бы сам Сафронов взялся за мой портрет, то нет никакой гарантии, что гений справится и передаст мой неповторимый образ.

В тот вечер меня сопровождала беззаветная Кристи. Тогда она совсем не отличалась благоразумием, была моложе и с полным букетом вредных привычек, успевших заточить ее нервы и испортить психику.

«Плохой портрет», – сказала она с грустью. «Вы правы, – растерянно кивал художник. – Я ошибся. Не понимаю, как так вышло?! Вы не обязаны платить». Я великодушно наградила его за труд. «Возьмите, вы заслужили, но в следующий раз не беритесь за непосильную ношу. Меня никто не сможет нарисовать». «Вы неуловимы! Кисть не слушалась!». «А я предупреждала, – довольно улыбалась я. – Мне бы поспорить с вами на всю дневную вырубку, но я не хочу обкрадывать честного русского художника». Несостоявшийся профи попросил оставить ему рисунок. Он будет изучать его и гадать, что он сделал не так, и под каким углом впивался в мою сущность, что так непростительно исказил реальность. Я согласилась. Пусть смотрит, пусть изучает, ведь ему не понять этого феномена.

Художник попросил разрешения исправиться и бесплатно изобразить Кристи. Милашка саркастично ухмылялась, но колебалась. «Пожалуйста, – сказала я, – у вас получится. Кристина – очень фотогенична». «Не льсти!» – бурчала спутница, согласившись на эксперимент.

Мастер принялся творить, задрал рукава, чтоб вернуть себе утраченную репутацию. На холсте Кристина вышла точной копией оригинала. Я наградила арбатского живописца одобрительным взглядом. Кристина впивалась в свой лик и искала десять отличий, но не нашла ни одного. Ей было очень сложно принять сей факт, что я осталась не угаданной, а ее легко намалевали как дворовую собачонку.

Мастер доволен. Его залихватские широкие усы, где наверняка кишели не менее креативные вши, блестели слюной, закручиваясь вверх, пытаясь изобразить подобие мимолетного вожделения. Его пробило в пот. Лицо страдальца побаровело ванильным загаром, и сорокалетний худосочный мужчина походил на сумасбродного старика, счастливого от осознания своей значимости.

Мы были несказанно щедры и одарили старательного виртуоза сполна. Кристи надулась, как карапуз, делая вид, что ей не нравится рисунок, теребя его лакированными пальцами. Не выдержав приступа ревности, она выбросила его в первую попавшуюся урну.

Пролетели вереницы дней. Многое изменилось и позабылось, многое встало на свои места и перевернулось вверх

дном, тем более изменилась и моя проверенная временем Кристи.

– Ты чем-то огорчена? – спросила она, ковыряясь в толстой звенящей сумочке, забитой мятыми визитками, салфетками и ментоловыми пастилками.

– Час назад я послала очередного тугодума.

– Так почему ты не в духе? Он угрожал тебе?

– Не так, чтобы всерьез.

– И чего ты паришься?! Жене его настучи.

– Я так и сделала

– Вот сучка!

– Ты удивлена? – спросила я наигранно скромно. – Мне совсем не сложно. Поганец пользовался мной как куклой. Должна же я ему отомстить?! Получилось не пыльно, но с эффектом разорвавшейся бомбы.

– Сильно. Раньше ты избегала семейные распри.

– Я прогрессирую. Чего только не сделаешь, чтоб ощутить свою власть и превосходство. Когда мужчина превращается в полное дерьмо, остается тупо размазать его по асфальту.

– Размазать – это одно, но как бы самой не вляпаться.

Колкое замечание Кристи оказалось актуальным и даже эстетически выверенным. Признаться, я не ожидала от моей полоумной старушки проникновенных пассажей. Но я не отнеслась к ней всерьез, пропустив намеки мимо ушей. Настроение находилось ниже плинтуса даже после двух бокалов Шато, обсуждения последних сплетен и безудержного

транжирства из-за новой коллекции «Диор».

Чересчур внимательная Кристи замечала любые нюансы. Я не прятала лицо и выдавала себя неестественной молчаливостью, заметно хмурилась и слишком глубоко затягивалась, выпуская дым через нос. Кристи не кухонный психолог и не обладает даром проникать в чужой внутренний мир и латать в нем щели, тем более забивать досками разбитые дыры. Кристи закрыла тему и переключилась на свои новости. Пришлось слушать ее и не перебивать, чтоб моя хандра не перекинулась на подругу. Иначе нам суждено разбежаться по норам. Пить в одиночестве – дурной знак.

2

Тихая музыка создает убаюкивающий ритм.

Серж смотрит на меня как сонный мартовский кот, понимая, что в этот уикенд ему ничего не светит.

– Странное начало истории, – задумчиво говорит он, опуская на стол пустой бокал. – Нет ни начала, ни конца. Так запутанно.

– Потерпи. Я пока не собираюсь покидать тебя.

– А можешь покинуть?

Позволив себе глубокомысленно не ответить, я снова выпила вина. Какой же все-таки нетерпеливый этот зануда Серж. Угораздило меня наткнуться на него в столь затруднительном положении. Я общаюсь с ним, принимаю его неуклюжие комплименты и провожу рядом большую часть своего драгоценного времени.

Серж всегда появляется в моей жизни в самые непредсказуемые моменты, словно преследует, оказывается там, где суждено оказаться мне. Серж сто лет неравнодушен ко мне, а я по старой привычке вожу его за нос, не оставляя мальчику никаких шансов, но и не даю от ворот поворот. Пусть думает, что шанс есть, пусть один на миллион. Пустая и наивная надежда. Мой древний кавалер Серж Сомов из тех людей, кто до сих пор ищет себя, перепробовав многое, но пока не обретя свой неповторимый путь и смысл существования.

Он не признается, как оказался в Каннах. Отплевывается шутками, хитрит, отводит взгляд, краснеет и пожимает плечами. Он должен зубрить учебники в Сорбонне, а вместо студенческой скамьи катается по Старому свету и натывается на скомпрометированную даму, попавшую в крупные неприятности. С последней встречи Серж не изменился. Такой же неказистый мальчуган, слегка потрепанный, небритый, с завитой шевелюрой и густыми бровями. Точная копия своего отца, свято верящего, что сынок учит языки, основы бизнеса и прочие прелести академической науки. Серж типичный лентяй и хулиган – забросил школу и бродит по Европе как призрак коммунизма. Словно заядлый путешественник он объездил весь Евросоюз, потратил десятки тысяч евро и осел в этой ничем не примечательной по каннским меркам гостинице. Волею случая в этой золотой дыре остановилась и я.

Мы наткнулись друг на друга, чуть не упав в обморок, и

сделали неутешительный вывод, что жизнь нарочито часто пересекает наши пути – дорожки. Невидимые тропы витиеватым клубком сводят нас нос к носу, а что с этим делать – ответов нет. Я бы не придавала этому особого значения, но Серж постоянно капал на мозги, неустанно признаваясь в симпатии, вот- вот готовой переродиться в безответное чувство по имени Любовь.

Я не отвечу Сержу взаимностью. Но пощекотать его натянутые струнки не откажусь – всегда, пожалуйста.

– Так как ты очутилась здесь? – Серж постоянно теребил меня вопросами.

– А ты? – бросала я меткий взгляд, полный сарказма и родительского неодобрения.

– Я? Да что там?! Я предупреждал тебя. Со мной понятно, а ты приносишь одни загадки.

– Так что в этом плохого? В женщине должна быть загадка. Разве не так? Вот ты и поломаешь голову, будешь уговаривать меня раскрыться. А я буду медленно рассказывать свою историю. Готов? Не сдрейфишь?

– Ты совершила что-то страшное?

– Конечно! – сверкнула я отполированными зубками. – Не представляешь, сколько на мне крови невинных жертв! Продолжим?

Его пухлые щечки покрылись испариной, и он напоминал Синьора – помидора. Во истину он не умеет общаться с женщинами. Рафинированный тип произносит размазан-

ные комплименты и считает, что ведет себя галантно и полностью в теме. Глупый и несмышленный мальчишка. А ведь ему осенью стукнет двадцать три. Неуч, так и не закончивший ни одного курса.

Учеба не его стезя. Мальчик увлекался спортом: атлетика, бейсбол и гольф, бадминтон и теннис. Ни в чем не преуспел, но правила освоил. Он приглашал меня сыграть несколько партий, а я учтиво отказывалась, чтобы он злился и ругался про себя трехэтажным матом. Пусть наслаждается тем, что я и так постоянно сижу в его компании, пью с ним кофе и вино по несколько в сутки. Достоверно неизвестно, были ли у него девушки, и осчастливил ли он хоть одну дурочку на своем веку. Скорее всего, нет. Чтобы удостовериться лично, я не испугалась воспользоваться случаем и спросила у него прямо и откровенно, чтоб он не прятался и обошелся без ужимок, а резал правду матку.

– Не торопи события, Серж. Всеу свое время, – начала я, как полагается, издалека. – Вот ты! Возьмем тебя, да?! Что ты делаешь один посреди чужбины в этом злачном отеле? Сейчас нет кинофестивалей. Звезды светят за тысячи километров, потому что мертвый сезон.

– Я объяснял, – виновато поерзал Серж, почесывая болтающиеся кудри.

– Я не об этом. Папочка не пытается искать тебя. И я его прекрасно понимаю.

– Так в чем же проблема? – он ерзал в кресле как в геро-

иновой ломке. – Я не папенькин сынок. Творю, что хочу.

– Почему же ты один?

– Один?

– Да. Почему без подружки? Я никогда не видела тебя с девочкой. Это подозрительно.

– Нет, я не тот, о ком ты подумала, – странно усмехнулся он, виновато уставившись между ног, словно ища там доказательства своей ориентации.

– Жаль, – убийственно отрезала я.

Серж напрягся, и помидорный лоск достиг своего физиологического апогея. Осталось лопнуть и залить посуду томатной пастой.

– Почему же?

– Я доверяла бы тебе, как своей подружке, открываясь на чистоту. Усек?

– Ты и так предельно откровенна, – правдиво заметил мальчик. – Меня пробирает дрожь, когда ты рассказываешь о своих похождениях. Ты думаешь, я бы уделял тебе столько времени, если бы меня привлекали мужчины? Нет. Я бы обходил тебя стороной или делал вид, что не замечаю, разве что приветливо, но формально здоровался в знак приятельских отношений. Признаюсь, Яна! Сейчас у меня одни неприятности. В Мадриде меня избили. Какой-то псих набросился на меня в туалете и чуть не отправил на тот свет. Лишь чудом я выжил, потеряв сознание, а очнулся в том же толчке. Никто не спасал меня. После я долго зализывал ра-

ны, а маньяк исчез также внезапно, как и появился. За что он меня уделал? Мне никогда не понять. Не взял ни гроша. Но синяков на лице оставил. Заметно?

– Нет. Зажило, как на собаке, – небрежно ответила я и перевела стрелки. – Так где твои подружки? – спросила я в лоб, ожидая любые, самые извращенные ответы.

Серж не подвел.

– Никого у меня нет. Ты запала мне в душу. Никак я от тебя не избавлюсь.

Мальчик на крючке. Мальчик сломлен. Мальчик пойман в ловушку, обречен, обезглавлен, но он добровольно натворил бед. Яна, ты здесь не причем. Ты не виновата. Ты живешь своей жизнью, а они сами слетаются как мухи. Ты не делаешь ничего плохого: просто насилуешь неокрепшие души и выбрасываешь их на помойку, высосав из них зачатки нежности, романтизма и пылкой платонической любви. Безжалостная и неотразимая Яна Даль...

Избушка-ловушка повернулась к нему передом. Серж захлопнул дверцу, заслонил засов и запрыгнул на печку погреться, а из-за ширмы на сцену вышла лютая, но чертовски привлекательная Яна-яга. Не баба и не тетка, а изнывающая плотью и кровью женщина в полном расцвете сил.

Серж воспылал ко мне чувством, когда нас познакомил его пронирыливый папаша два года назад. Тогда я была моложе, а Серж вовсе выглядел как гадкий утенок (признаться, сейчас он выглядит не лучше) с раздавленными красными

прыщами вдоль расцарапанного лба. Папаша вывел сынишку в свет, причем не очень удачно: за кулисами его обсмеяла вся богема за неказистый и угрюмый вид. В лицо смеяться грех. Отец уважаемый человек и снесет башню любому, кто осмелится задеть его единственного наследника. Но Серж не особенно задумывался о будущем и своем нареченном предназначении, а размышлял лишь о том, как соблазнить какую-нибудь девицу и расстаться с врожденным наследием невинности. Мальчик страдает до сих пор. Приходится отдать ему должное. Не в пример своему продвинутому поколению Серж архи скромнен в амурных вопросах и ждет свою мечту, как сердобольные леди тоскуют по Алым парусам. Он хочет заполучить настоящую принцессу хотя бы на час, но этот час будет лучшим его жизни. Серж пока не нашел свою половинку и втюрился в меня, как сумасшедший, а я не разочаровываю трепетное сердце, а скребу по нему ядовитыми когтями по ядовитому сценарию ядовитой Яны Даль.

Я.Д. Из инициалов букв не выкинешь. Отравлять мужчинам жизнь – мое призвание. Яд медленный и сладкий. Для кого-то приторный, для кого-то кислый с привкусом новизны и порока, а для кого-то с ароматом томления и разлуки, но не горький, не болезненный, почти не ощутимый, но обязательно действенный и смертельный.

С первой минуты Серж прилип ко мне как хвост. Тогда я отделалась от него силой, но ничто не останавливало ново-

испеченного Ромео. На вечеринках он появлялся с регулярной частотой, сверлил меня раскисшими глазами, находя и приставая с доморощенными вопросами, требуя внимания и даже ласки. Пришлось дружить. Чего не сделаешь ради будущей казни.

– У меня не складываются отношения, – уныло говорил Серж. – Пытался общаться, но все девчонки кажутся мне тупыми, а кому-то идиотом кажусь я. Ты скажешь, я старомоден, но для меня важна романтика. Я люблю приглашать девушку на свидание, дарить цветы, прогуливаться по вечерним проспектам. Ты не представляешь, как чудно сейчас в Милане или на шумных площадях Мадрида. Мы же там и пересеклись на скучной опере. Я чувствовал себя одиноко, растворяясь в толпе, пока не появилась ты. Вечный фантазер – мой диагноз. Исправляться я не хочу. Романтика вновь набирает моду. Ты не успеешь оглянуться, как она покорит этот мир.

Чистый и наивный юноша. Как хороши его пространственные рассуждения! Мне даже жаль его. Как угораздило затащить в капкан такого славного зайчика? Серж самая милая жертва из всех, кто когда-то попадал в мои сети.

– Дружок! Мне не следует напоминать, что я не вижу в тебе мужчины, – честно призналась я. – Тебе больно слышать эти слова, я резковата, но иначе не скажешь. Смысл остается прежним. Я рада тебя видеть. Мы отлично проводим время, но перспективы у нас нет. Тебя разве не настораживает кон-

цовка Димы Вингурта?

Мальчик принимает задумчивый вид. Неповоротливые извилины начинают работать, подавая электрические сигналы неразумной головушке. По морщинам пробегают нотки подозрительности и полного недоумения. Мальчик думает и принимает решение, но точно не в его пользу.

– Странно. Я так и не уловил смысл твоего поступка.

– А был ли он?

– Смысл всегда есть, – изрек мой философ. – Ты ничего не делаешь просто так. Ты не договариваешь. Нужно было с ним расстаться. Ты чувствовала себя униженной. Он обманывал тебя, а ты надеялась на взаимность и честность, чтоб без фальши и двойной игры.

– К чему эта демагогия...

– Не обесценивай! – злился Серж. – Вечно ты высмеиваешь мои слова! Как будто это полная чушь!

– А может я всего лишь подлая сука?!

– Не говори так, Яна! – его лихое мальчишеское лицо наполняется неподдельной нежностью и заботой.

В этот миг я вдвойне чувствую себя подлой сучкой. За грехи придется ответить на предсмертном одре и на небесах. Не удивлюсь, если для меня и ад покажется раем.

Он начинает доказывать свою правоту, спорит, брызгает слюной в приступе ораторского запала, а я тихо смеюсь и делаю вывод, что он ни капли не повзрослел, и наливаю себе вина, ведь он даже забывает за мной ухаживать. И слушаю,

слушаю, слушаю.

После бесплодных рассуждений он набрасывается на меня с приступом ревности. Громко сказано. Ему безумно любопытно, что я нашла в Диме, и какой он в постели?! Серж стыдится своих вопросов. Хочется надавить на него, припугнуть, топнуть каблуками и приказать: давай, мальчик! Не дрейфи! Спроси, как он занимается любовью? Какой он жеребец? Когда я отдалась ему? Довел ли он меня до разрядки? Все это крутится на языке Сержа, но мальчик никогда не позволит себе обмолвиться на подобные неприличные темы.

Мне приходится удовлетворить его любопытство, и я позволяю себе открыться на шаг вперед, хвалю его за напористость, подмигиваю, обнажив кончик языка, и вполне доходчиво отвечаю, чем поразил меня Дима, чем мы занимались ночи напролет, и что в нем не устраивало. Новых фактов я не открыла, только промусолила вверх – тормашками. Дима Вингурт не тема для бесконечного обсуждения. Лучше поболтать о его жене. Но Сержу она безразлична, а утомлять моего любознательного мальчишку решением собственных проблем я не собиралась.

Обсудив вдоль и поперек последнего любовника, Серж накидывается на Кристи. Кто она такая? Что меня с ней связывает? Как она выглядит? Где она сейчас? Почему мы не вместе? Его любопытству нет предела. Он обгонит даже зазнайку Пиноккио. Пора обрубить его длинный нос.

Тут совсем нечего скрывать. Кристи – глупая пигалица

с солидным приданным, живущая, как и я, по принципу: «можно все!». На том мы и спелись. Когда-то она занималась модельным бизнесом. Матушка – природа щедро одарила ее. Щеголяя тонкими ножками, она приковывала взоры сотен поклонников.

Сама я рождена не для подиумов: мелкая ростом и чуть-чуть непропорциональна, но формы имею, привлекая неусыпных животных из вида мужчин. У Кристи идеальные рост и вес, максимально подходящие параметры. Грех не пользоваться дарами. Кристи не прогадала и потратила несколько лет на стринги, каблуки и хронический сколиоз в пояснице, о чем жалеет, посещая личного тайского массажиста. Кроме модельного ремесла она обожает дорогие авто, кокаин и шмотки от кутюр – типичная дитя зажиточного скупердяя. Наркоманка, шопоголичка, и, по слухам недоброжелателей, слабонервная kleптоманка. В себе подобных отклонений не наблюдаю.

Утомив Сержа сумбурным повествованием, я обрываюсь на полуслове и возвращаюсь к вечной теме любви и дружбы.

– А ведь ты привязался ко мне в чистую, и я не в силах противостоять.

– Зачем портить? Нам хорошо вместе.

– А почему бы и нет?!

– Со мной понятно. Я конченный мазохист и твой вечный воздыхатель. Но ты, никем не покоренная Яна Даль? Почему ты до сих пор одна?

– Ты забыл?

– Ах, да! Ты здесь инкогнито!

– Цыц! – причмокиваю я указательный палец, заставляя Сержа замороженно смотреть мне в рот. – Об этом никто не должен знать, иначе один храбрец пострадает. Ты готов пострадать за любовь?

– За любовь к тебе – да! – самозабвенно отчеканил Со-мов, будто готовился целый день к главному вопросу этого хмурого вечера.

– Только без сопливых объяснений, – предупреждаю его, чтобы не нарваться на рыцарские бравады.

– Ты снова все опошляешь, – обиженно заявляет Серж, глядя себя по груди. – У меня нездоровое сердце. С детства пью таблетки и посещаю кардиолога. Дистония какая-то, но, слава Богу, последние годы чувствую себя нормально. У меня до сих пор в сумке аптечка. До твоего появления обходилось без проблем. Когда ты поселилась рядом, я перестал спать. Сердце колотится, грудь поднимается куполом, я задыхаюсь, открываю настежь форточки, но подлые комары заполняют комнату, и мне приходится запирааться. Откуда здесь эти твари? До утра я убиваю их и чешу обкусанные руки. Я чувствую, как изнутри брызжет адреналин, и будоражит кровь. Я думаю о тебе, ворочаюсь, не смыкаю глаз. Плохо. Тошно. Спать нужно, и я лежу, завернувшись в одеяло, и потею, прилипаю к подушке, но так и не высыпаюсь.

Я не вслушиваюсь в его причитания, а оцениваю несурраз-

ный вид влюбленного ипохондрика. Коричневые брюки с кожаным ремнем, серый пуловер с треугольным полукругом, кроссовки а ля Майк Тайсон, не идущие не к джинсам, не к пуловеру, разве что к носкам, надежно спрятанным под обувью.

Вечер прохладный для сентября, но не настолько, чтоб одеваться в теплые зимние свитера, будто собираясь пить глинтвейн, чтобы не замерзнуть. Сержу не хватает толстенных круглых очков, дабы точно соответствовать образу заучки. Он похож на ботаника, но не один настоящий ботаник с этим не согласится. Уж слишком выхолощено и аристократично он выглядит. Серж голубых кровей. Такова дурная наследственность и испорченная порода.

Меня не пробьешь на жалость, и я даже не стремлюсь утешать его и гладить по головке. Я предлагаю закончить посиделки и пойти прогуляться. Сомов смущен моей холодностью. Он-то надеялся, что я пушу скупую слезу и приглашу в гости выпить грамм двести скотча, чтобы прислониться к его груди и вслушиваться в биения измученного, больного сердца.

Поднявшись и скрепя коленями, мы идем на прогулку.

На улицах богемного города мерцают звезды, тихо и свежо. Нет ни мошек, ни комаров, что вполне естественно, и непонятно, как они прорвались в его комнату. Похоже, он привез с собой целое комариное племя из Подмосковья или выращенное в специально приготовленных инкубато-

рах, чтоб беглому сорванцу не чувствовать слишком остро ностальгию по покинутым просторам и не забыть отчизну, ощущая сладкие уколы и расчесы.

Туристов вокруг непривычно мало. Мне не холодно. Так действует крепкое вино, или у меня жар от пылких признаний Сержа, то ли от собственной откровенности. Поразительно, но я всего лишь третий день в Каннах, а уже устала от моего навязчивого поклонника.

Проветрившись до легкого першения в горле, мы вернулись в отель и зашли освежиться в бар. Знойный ветерок выдул хмель, и можно с легкостью напиться повторно. Нервы мои ни к черту. Давно сбился цикл, и я уже забыла, что такое полноценная овуляция. Тампоны я оставила еще в Праге.

В фойе нас подловили неизвестные персоны. Серж от испуга чуть не наделал в штаны. Это его приятели, несколько беспечных тупиц, праздно развенчивающих жизнь подобно собрату. Парочка нахохленных петушков и одна выщипанная курица. Детки аналогичным образом сбежали из клетки и предавались веселью, забыв о смирении и учении.

Мне отнюдь не стоило их корить, ведь у самой рыльце в пушку, и я не пуританских нравов. Если сравнить их положительные качества с моими данными, то я непременно останусь в аутсайдерах, ведь я очень плохая девочка. Очень плохая и неисправимая.

Малолетки пригласили Сержа кутить. Он умоляющим взглядом выпрашивал, чтобы я не оставляла его одного. Я

смякнула, зачем я сдалась ему: для дешевого понта, для украшения их прыщавого общества, чтоб тупицы думали, что я его женщина, завоеванная в честном бою.

В Каннах слишком много русских – факт, не вызывающий удивления. Ради развлечения я послушно согласилась. Серж чуть не взорвался в приступе неописуемого счастья, чуть не улетев термоядерной ракетой к созвездию Большой Медведицы.

Расположившись на просторных диванах по периметру фойе, мы перешли к соблюдению норм светского этикета. Захлебываясь фонтаном радости, Серж, заикаясь, представил меня однокашникам, а я надменно улыбалась и унижала оценивающим взглядом каждого дармоеда, в том числе ненаглядную мокрую курицу.

Два чудика представляли собой отъевшихся снобов, чьи мозги давно пропитались бухлом, прокурены первоклассной марихуаной, а ума хватало лишь на то, чтобы сбежать с халлявной учебы и мотаться по миру в поисках адреналина.

– Вы как сюда попали, черти? – набросился на них Серж, вытирая потные ладошки о брюки.

Чудики не понимали, как мог старый мудила Серж охмурить столь дорогую цыпочку. Дар речи вернулся к ним в течение минуты. Первая опомнилась курица, проглотив обглоданную кость зависти к моей красоте.

– Мы проездом, – осторожно прозвучала девочка. – Решили здесь переночевать. Другие отели заняты на месяц вперед.

– Это Люси! Подруга из Петербурга. Яна, познакомьтесь! – представил нас Серж, перестав тереть до дыр брюки.

Устало улыбнувшись, я даже обронила несколько слов:

– Вам повезло. Сейчас не сезон. Приехали бы вы месяц назад, то наткнулись бы на совершенно другую картину.

– Богема нас не интересует, – встрял самый упитанный и невоспитанный тугодум. – Плевать нам на фестивали. Эстетсы и критики снимают фильмы сами для себя, и эта умственная жвачка не возбуждает. Как-то раз я смотрел пару шедевральных картин на Венецианском фестивале. Спустя полчаса показа не выдержал и ушел. И я был не первым и не последним. Кинотеатры наполовину пусты. Я за народное кино, чтоб било по мозгам, чтоб в кассу под попкорн и колу.

– В некоторых кинотеатрах Америки запрещено брать с собой попкорн, – заметила Люси. – Это считается пошлым.

– Чушь собачья! – протрезвонил третий увалень с банальным именем Коля. – Попкорн и кино – две вещи неразделимые. Можно поспорить, что важнее, попкорн или синема? Философский вопрос.

Беседа переходила в русло метафизических прений о мировом прокате и массовой индустрии удовольствия. Получалось, что ни попкорном единым жива наша молодежь. Коля согласился с этим утверждением под напором Люси, а первый чурбан по имени Марк соглашался с любыми глупостями, лишь бы ему не промывали мозги.

Серж держался уверенней, позволив себе довольно смело,

если не дерзко, взять меня за руку и нежно погладить пальцы. У мальчиков потекли слюни, ниагарским водопадом падая в глотку, и прорываясь сквозь растопыренные губы наружу. Люси раздосадовано сидела с краю, нахмутив курносый нос, обиженная полным отсутствием внимания к ее избалованной персоне.

– Ты в курсе, что тебя разыскивает батя? – рявкнул Марк, завистливо сглотнув. – И меня ищут. Маман предупредила. Она жалостливая и до сих пор пополняет мой счет.

– Без реального кеша станет вообще стремно, – процедил Коля. – Я в долгах, как в шелках, кредитки посеял на Мальте, а восстановить нельзя – записаны на предков. Приду в банк – запалят. У меня и виза просрочена.

– Так почему ты до сих пор не в рашке? – справедливо спросил Серж, нахмурившись как дед.

– Мотаюсь по корешам на содержании. Отцу не понравится, когда ему доставят счет за мои мушкетерские похождения. А мне плевать! На то он и отец, чтоб все оплачивать. Я у него один, кому еще сливать лаве?! Он сдохнет скоро, так я прямой наследник. Не оставит без гроша. Его любовницу пошлю на хрен, пусть побирается в другом месте. А батя не дурак, не пишет ей дарственных надписей. И эта потаскуха считает себя моей мачехой! Видали? Я ее сам отымею до посинения, когда старый концы отдаст. Сучка давно мне глазки строит. Чует, куда финансовые потоки польются. Шлюха!

– Фу! – сморщилась Люси. – Какая гадость.

– Природа склонна к постоянству, – философствовал Марк. – Природа Николая особенно.

Зазнавшийся Коля чувствовал себя королем вечеринки, поглядывал на меня как ошалелый самец на самку в период гона, готовый при случае сверкнуть доставшимися по наследству причиндалами.

Слушая их инфантильные перепалки, я убеждалась, как они молоды и глупы, а я гораздо дальновиднее этой шайки золотой молодежи. Когда то и я относилась к их племени и была первой среди лучших. Мы меняемся, и наступает тот день, когда себя уже стыдно отнести к юным леди.

Я сравнивала себя с Люси, изучая курочку вдоль и поперек: весь ее напыщенный лоск, дутую аристократичность и примитивизм. Вела она себя на удивление прилично: корила мальчиков за пошлости, цитировала вырезки из глянца, удачно кудахтала о культуре и правильно выговаривала бренды. Люси нравилась мне. Наивная девочка, полная пустых надежд и живого трепета. Она не лишена зачатков интеллекта, наверняка любит искусство, тащится от модных писателей от Бегбедера до Вишневого и безымянных светских львиц, разбирается в шпильках и шубках, отличает коллекционное вино от дешевой подделки. Дурнушка Люси завсегда Куршавеля и Малибу, но она вполне приличная девушка в духе своего времени. При пристальном изучении в ней найдется масса положительных качеств, но я не собираюсь копаться в перьях и потрохах, а право ощипать ее остав-

лю Коле или Марку. Тому, кто проворнее.

Когда-то я был такой? Увольте...

Ни сходства, ни различия. Мы разные как Сикстинская капелла и Статуя Свободы. На то есть научное объяснение. Как известно, человек закладывается с детства. Именно в казематах юного разума формируется характер и привычки, пресловутый «лайфстайл», почти не поддающийся исправлению.

В суете нам незаметно поднесли шампанского. Послышался крикливый всплеск, и Марк первый схватился за бокалы. Коля предпочитал напитки покрепче. Серж был пьян мною и к алкоголю отнесся равнодушно. Люси формально пригубила вина, а я выпила исключительно за компанию, чтобы не отставать от коллектива. Стадное чувство иногда проявлялось.

Шампанское разогрело кровь и пришлось по вкусу. Марк повеселел и сбросил с себя образ холодного циника. Люси приняла отстраненный вид и погрузилась в «богатый внутренний мир». Коле не сиделось смирно. Вдохновленный допингом, он стал приставать к моему липовому кавалеру.

– Давно вы вместе? – спросил он так дерзко и нагло, будто решил поиграть в разборки на семейном одре, узнав, что его сынок надумал связать свои узы с простушкой, готовой через пару месяцев преподнести кричащий и капризный сюрприз.

– С рождения, – вставила я так удачно, что Серж облился вином и громко чихнул.

– Очень давно, – вытирал он обляпанные штаны. – Но вместе около месяца. Европа – цитадель неожиданных свиданий. Яна преобразила мою жизнь, появившись так внезапно и шокирующее, что я уже не в силах ее потерять.

«Хорош поиграть в Онегина!» – зло подумала я, насильно освободив ладошку. Я не звалась Татьяной и изгаляться на тему изнуряющего романтизма не собиралась.

– Серж – ты молоток. Обскакал нас в лихую, – вставил Марк, – нам тебя не догнать. Когда я вижу такие пары, то понимаю: не в деньгах счастье, а в отличной подруге, которой можно любоваться бесконечно, пока не надоест. Красота, к сожалению, надоедает. Проверено.

Серж приподнялся и нервно повел бровями:

– Не обобщай. Есть и удачные примеры. Не приведу сейчас конкретных случаев, но они точно найдутся, если поискать. Взять к примеру моих ... Нет, это неудачный пример, согласен.

Теряя терпение, я вмешалась в разговор несмысленной.

– Кто вам сказал, что мы пара? Может, мы тупо пересеклись здесь, а через пару дней нам суждено расстаться?! Вы же делаете глобальные выводы. Зачем? Неужели это так важно? Обсуждать нас неприлично.

– Извини, не удержались, – встрял Коля. – Мы невоспитанные говнюки. Что с нас взять?!

Разговор плавно перетек в другое русло. Внимание при-

влек Марк, трепавшийся по поводу последних книжных новинок. Он был начитан, где-то даже умен, но ум этот дрейфовал за северным полюсом. Люси перестала пыжиться и уже не пронзала меня ненавистным взглядом, вела себя смелее и чаще приковывала взгляд мальчиков.

Непроизвольно я отстранялась от беседы, погружаясь в себя. Накатывала приятная дрема. Тело потяжелело и вдавливалось в спинку дивана. Смотря на них будто через запотевшее стекло, я не различала речь и смутно разглядывала их глупые физиономии.

Меня волновало одно: когда банда откормленных кровососов оставит меня в покое. Как же больно осознавать, что в высшем обществе все крутятся в одних жерновах, предпочитая те же отели, рестораны и города. Почему их потянуло в Канны, когда в начале сентября здесь тихо как в Сибирской деревне. Канны заполнены людьми, чьи лица приелись и отпечатались в памяти в столичных раутах, словно Восточную Европу накрыла эпидемия чумы, и все суматошно двинулись на запад, наивно полагая, что крыс здесь меньше, не догадываясь, что сами они – крысы.

Меня бесило их общество. Курить и пить не хотелось. Хотелось сбежать. Серж – пустой зазнавшийся сноб с вагоном комплексов и золотым мешком за спиной, а вся эта игра во влюбленных голубков не стоит моего сломанного ногтя. Довольно.

– Я загляну к себе, – раздраженно произнесла я, надеясь,

что меня никто не услышит.

– Ты в порядке? – виновато спросил Серж.

– Да. Мне немного душно.

– Давай вместе уйдем?

– Друган! Ты не имеешь право! – проревел Коля. – Отпусти невесту, ведь ты пока не муж, чтоб ей командовать. Боюсь, если вы сольетесь вместе, мы вас уже не увидим и расплоземся по номерам как мохнатые тараканы, а потом потеемся на несколько лет вперед.

– Ты видел когда-нибудь мохнатых тараканов? – озадачился Марк.

– Это страшные существа, обреченные на вымирание и травлю, – пояснил захмелевший до дрожи в губах Коля.

– Как мы, – понял Марк. – Люси, ты видела мохнатых тараканов?

– Кроме вас – нет! – ухмыльнулась девушка и вполне серьезно добавила: – разве в этом отеле водятся тараканы? Пять звезд?!

– Мохнатые... – рычал Коля, крутя пустым бокалом у виска, – мохнатые твари, обреченные на вымирание и травлю... угы-гы-гы...

Тошнотворные ереси заставили меня подняться. Не прощаясь, я направилась к выходу, вырулила мимо швейцара и очутилась на улице, глотнув пьянящего воздуха. Не слабее крепкого вина он ударил в виски, и я задержала дыхание, чтоб прочувствовать остроту момента, и прислонилась к ка-

менной ограде, падая от головокружения.

Ночь жила. Я перевела дух и сосредоточилась. Серж отстал, позволив остаться наедине со своими мыслями. Я пообещала себе, что с завтрашнего дня буду реже показываться ему, чтоб он мучился и привязывался ко мне сильнее. Мне захотелось измотать его плоть и взять в рабство сопливую душу. Я никогда не прощу ему этот испорченный вечер.

Внутри тревожно. Смутное ощущение предстоящей угрозы нахлынуло потоком воспоминаний. Они мелькали Восточным экспрессом, не останавливаясь, не зацепляясь за перроны, отчего тревога накатывала новыми волнами. Я вцепилась в каменную ограду и глядела в пустоту, в темное море, где медленно мигали огни круизных яхт, а по центру невидимого полукруга горел огонь высоченного маяка.

Наш отель имел отличные виды, возможно, самые приятные во всей округе. Здесь останавливались многие звезды, а в моем скромном по местным меркам номере по легенде запутавшегося во лжи метрдотеля когда-то жили Николь Кидман и Том Круз, естественно, когда они были вместе, и даже великий Спилберг. Их вечные шедевры собирали миллионные кассы в Парижских «LeCrandRex» и «LeBalzak». Приятная каннская легенда. Мой номер словно таил какую-то особую энергетику. Быть может, энергетика молодых до сих пор летает где-то под люстрой, зажигая лампы. Ведь они любили друг друга, а этот курорт особенно предрасполагает к любви. Быть может, сейчас Николь

и Том вспоминают то счастливое время и грустят. А с кем здесь встречал рассвет Спилберг, не имеет значения. Великий Стивен потрепан профессией, староват и даже не в моем вкусе. Представлять его в эротических снах глупо, чего не скажешь о Томе Крузе. Моя невыполнимая миссия...

Когда кино легенды промчались мимо, облегчение не наступило. Сбежать? Оставить Сержа с носом и с недосказанной историей? Найти неприметную ложбину на необитаемом острове?! Вряд ли! Даже если здесь центр жизни, значит, ожидай новых незваных гостей, и тогда есть шанс нарваться на неприятеля. Призрачный, статистически недостоверный, но шанс.

Он слишком хорошо прочитал меня и понимает, что я не буду прятаться в дешевых мотелях, питаться в забегаловках, бродяжничать и побираться. Я не такая. Деньги есть. Я исколесила слишком много дорог, набив мозоли и синяки. Пускай тут скучно, но есть Серж как утешительная игрушка. Он влюблен и полон вожделения, что даже льстит моему побитому самолюбию. Мы оба так удовлетворяем наши желания. Конечно, в основном их удовлетворяю я, а Серж верит, что я спущусь с небес на землю и удовлетворю его. Надеяться на это также глупо, как ожидать снег в сентябре. Кроме холодного ливня он ничего не дождется.

– Яна?!

Я вздрогнула и обернулась, не отпуская каменные прутья, готовая броситься вниз, но не готовая разжать ладони.

– Что с тобой?

– Боже! Ты напугал меня.

Все тот же мальчик, как вкопанный, стоял сзади, держа бледными пальцами два бокала Шанти.

– Чего ты боишься? Я принес выпить.

– Дурачок. Нельзя так резко подходить сзади. Любая взволнованная женщина даст тебе, куда следует, очень больно, если отважишься повторить эту глупость. Где твои друзья?

– Отправились в клуб. Я не уговаривал их остаться.

– Наконец-то! Пусть они не задерживаются здесь. Иначе я не выдержу и сбегу. Достали! Особенно тот дикий увалень.

Серж протянул бокал, и я жадно вцепилась в стекло, чуть не прокусив его на осколки. В ту ночь мы обсудили каждого друга, сойдясь во мнении, что они не достойны нашего общества. Серж соглашался со мной всецело. Он давно не перечил мне, и я вертела им, как хотела, а он с обожанием выполнял любые просьбы, лишь бы я продолжала рассказывать свои невыдуманные сказки.

3

Прошла долгая неделя, как я избавилась от Димы. Настал момент вздохнуть полной грудью, но на меня набросилась, окутав с головы до ног, великая депрессия. Не зная, чем себя занять, как выпутаться из хаоса, я валялась в постели, пила всякую дрянь и рвала простыни в приступах бешенства. Мобильник выключен, и я полностью оторвана от мира, но это

не спасало, а только вдавливало в тупик удрученного состояния.

Собрав волю в кулак, я включила телефон, получив несколько сообщений от Кристи. Моя самая близкая приятельница просила срочно перезвонить. Нет сил и желания выполнить ее просьбу. Горячий душ помог исправить положение, и я смыла всю хандру в канализацию, не догадываясь, что депрессия – опасный вирус, успевший оставить в жилах своих отпрысков, ждущих своего часа.

Перед встречей с Кристи случилось одно важное событие, про которое я должна доложить в мельчайших подробностях. Внезапно мне позвонила жена Вингурта. Откуда она заполучила мой номер, ведь я умело шифровалась? Вопрос на один балл для школьника. Конечно, виноват Дима. Он признался в измене, покаялся и сдал меня. Тряпка.

Не подозревая подвоха, я услышала в трубке незнакомый голос. Вера заметно волновалась, терялась, повисала в паузе, а я набиралась смелости, успокаивала себя и утешала, что ничего страшного не случилось.

Если любовница сообразила позвонить жене, то почему жена не может позвонить любовнице? Вот Вера и откликнулась почти также незамедлительно. К чему этот душераздирающий звонок? Чтоб отомстить? Глупость. Ни мужа, ни, упаси боже, детей у меня не водилось, а другие любовники мерцали в краткосрочной перспективе. В ее звонке проглядывался какой-то потаенный смысл, о котором она не упо-

минала, но держала между строк, за зубами.

– Ты празднуешь победу? – спрашивала она, и в ее интонации проглядывалась обида, ведущая к скорой мести.

– С чего бы? Он твой! Забирай с потрохами! Мне он не сдался.

– Дима про тебя того же мнения.

– Хм... не мудрено. Твой муж – половая тряпка. Он не достоин нормальной женщины. Не понимаю, почему ты до сих пор с ним маешься?! Подай на него в суд? Ты выиграешь дело, а он очень этого боится. Обери его до нитки! Как тебе идея? Класс! Я не посредник, и в деньгах не нуждаюсь, а ты уязвлена и унижена. Уязвленное самолюбие нельзя скрыть, тем более – женское. Я чувствую тебя и уверена, ты достойна лучшего мужчины.

– Нас многое связывает. Мы начинали вместе. Пережили беды и радости. Как ты могла все испортить? Кто дал тебе право? Ты уничтожила нашу семью.

– Ты простила его?

– Нет.

– В чем же дело? Добей его! Он никчемный плебей.

– Кто дал тебе право? – повторяла она, наливаясь желчью.

Ей становилось хуже, а я уверяла себя, что достигла цели. Запускалась цепная реакция. Вера неженка и плакса. Чуть что – слезы, охи, вздохи, бесплодные причитания а ля тургеневская барышня.

– Знаешь, сколько у него было таких, как ты? – наброси-

лась я на женушку. – Перечислить? Думаю, ты не обрадуешься. Не хочу повторяться. Я открыла тебе правду на его пустую и падкую сущность, и ты должна быть мне благодарна. Обман раскрылся. С тебя стащили розовые очки, и ты на шаг приблизилась к реальности. Кто дал мне право? Никто! Я сама дала себе это право. Я так развлекаюсь, или это моя миссия – открывать дурам глаза на истинное положение вещей, чтобы они не занимались ерундой, а заглянули в себя, заглянули в лица своих кобелей и поняли, что их избранники скоты и лжецы. И я ни на что не претендую. А какие тараканы роются в моей голове, так это мне самой неизвестно.

– Чтоб ты сдохла! – услышала я перед тем, как слух пронзили гудки.

Странно, но в разговоре Вера показалась родной и близкой. Понятно, ведь мы познали друг друга через общего мужчину. Когда я была с Димой, то ощущала ее влияние, пресловутый чужеродный флюид, принадлежащий ей. Я боролась, отгоняла его, навела генеральную уборку, окропляла Диму своим запахом и своей энергетикой. Когда он возвращался домой, ублаженный и околдованный, Вера должна была распознать подставу и почуять измену. Это как дважды два! Что-то менялось в его лице, в походке, в одежде, он становился другим под моим влиянием, и Вера должна была чувствовать перемены, быть на страже. Наверняка она чувствовала, терзалась, задавала вопросы, устраивала разборки и сцены ревности. И была права! Ничто не возникает

на пустом месте. Я выступила в роли катализатора их развала, почти не вмешиваясь в ход семейных реакций. Ей многому предстоит научиться. Набираться уму придется исключительно на своих ошибках и впредь без моей помощи. Достаточно благотворительности.

Сейчас Вера вызывала искренний интерес. Не лишним будет встретиться с ней, посмотреть в глаза, сказать: вот, подруга, пересеклись наши пути-дорожки. Зачем ссориться из-за этих козлов?! Найдём себе новых моральных уродов и будем ставить им рога и копыта. Вера бы простила меня, а в глубине души обрадовалась, что ей отдан полный картбланш на любые действия в отношении уличенного во лжи мужа. У них есть общие дети – это отягчающее обстоятельство и козырной джокер в пользу супруги, убивающий без помилования. Вера воспользуется им, если захочет. Как карта ляжет. Дима упоминал про своих карапузов. Двое маленьких ребятшек, оба маменькины сынки. Дима почти не занимался их воспитанием, видя их строго по выходным с двух до пяти. Он целовал их в лоб и мчался ко мне в постель, чтоб предаться желанию и пронзить меня до кровавых ссадин и опустошения. Заботливый папочка.

Я не успела спросить Веру о многом. Была ли она сама уличена во лжи? Кто рискнет утверждать, что она не приводила домой водителя или парня из охраны, чтобы расслабиться на кухонном столе в отсутствие мужа? Детей всегда можно отправить к гувернантке или уложить спать, а даль-

ше наступает взрослое время. Дети боятся пропустить его и частенько норовят подсмотреть в замочную скважину. Подглядывание остается безнаказанным воспоминанием.

Меня терзает желание перезвонить Вере. Сомнения мешают принять решение. Рука дрожит, телефон скользит по коже, готовый выскользнуть на пол. Колебания достигают апогея, и я беспощадно стираю ее номер дрожащими пальцами. К чему навязываться?! Теперь любые разборки – их личное дело. Забудем! Дима Вингурт – стерт. Его обманутая жена тем паче.

Пальцы мгновенно холодеют, а изнутри тянет дрожью. Неопределенное чувство отвращения и безысходности накатывает так стремительно, что хочется выкрутиться наизнанку, но не получается. Оттого становится еще тягостней. Вдруг резко приступ отпускает. Теперь гораздо легче. Терпимее. Можно отпустить мысленный поток и забыться. Не выходит. Начинаю рассуждать, что я в нем нашла? Он привлек чем-то необъяснимым, или я сама снизошла к нему с высоты своих неприступных вершин. В моих думах отсутствует смысл, но есть целый букет чувств, которые так же сложно передать, как и пережить в полном объеме.

Полная раздумий, я вылетаю из квартиры, чтоб не опоздать к Кристи, но все равно опаздываю. Кристина ждет около получаса. На ее лице недовольные морщины и налет усталости. Она не привыкла ждать. Ее кулачки сжимаются, наполняясь раздражением, а скулы скрипят металлическим роко-

том. Кое-как извинившись и сославшись на вечные транспортные проблемы, вспомнив, что и она не без греха, и нам обоим есть к чему стремиться, я сажусь рядом. Кристи чуть растаяла, морщинки сгладились, скулы растянулись и перестали скрежетать, а кулачки разомкнулись, выпуская накопленный пар.

– Неважно выглядишь, – лениво констатирует Кристина.

– Взаимно, – небрежно пробую сострить я. Неприятно слышать горькую правду даже из уст подруги.

– Как дела?

– Средней паршивости.

– Серьезно?!

– Не спрашивай, – раздраженно ответила я, осторожно оглядываясь, чтобы не встретить знакомые лица в «Мао», где мы рискнули пересечься.

Кристина выглядит вызывающе хорошо, без налета усталости и лицемерия, в чем я погрязла по уши. На ней нет тени обмана и предательства. Она словно лишена пороков. Кристи не уничтожает мужчин, не пилит их головешки, не мстит и не отравляет им жизнь. Ее сердце не зачерствело за двадцать пять лет и способно на благородные поступки, хотя бы на добрые и непосредственные. Я же способна только на пакости, в лучшем случае, на откровенную подлость.

Кристина выдерживает паузу, делая неутешительные выводы на мой счет, которые она никогда не озвучит. Что-то происходит в ее куриных мозгах. Ее накладные ресницы

неловко приподнимаются, успев изучить меня вдоль и поперек.

– Что у тебя нового? – спрашивает она, запустив привычный пустой треп.

– Все по-старому, – разочаровываю я. – Сейчас не самые веселые времена, поэтому если ты позвала меня обсудить наши никчемные судьбы, то лучше в другой раз. Я не в настроении. Если у тебя есть какое-то дельное предложение, не тяни? Я слушаю.

Кристи не нравится мой взвинченный ритм. Она начинает суетиться и нервничать, будто я подначиваю ее. Моя нервозность передается ей по эстафетной палочке.

– Яна, ты пугаешь меня. Не понимаю, что на тебя нашло, но я как раз к тебе с предложением.

– Короче! – выдавила я как криминальный авторитет круче дона Капоне.

В маленьких зрачках Кристи загорается огонек, но ей хочется подразнить меня. Она готова извиваться как уж на сковородке, чтобы я томилась и провернула в уме догадки. Бедняжка ошибается. Мне давным-давно абсолютно до фени ее предложения. Нас обоих ничем не удивить. Не верится, что Кристи забыла эту избитую истину.

– Мы засиделись в городе, – начинает юлить Кристина, пытаясь придумать умные подводки. – Нужно освежить впечатления! Наступает отличная погода. Не подумай, что я пытаюсь впарить тебе горячий тур. Есть идея гораздо лучше.

– Какая?! – стало чуть-чуть любопытно, как лопухнется Кристи, когда я по привычке саркастически отнесусь к ее гениальным планам.

Кристина предлагает отдохнуть пару недель на вилле, принадлежащей ее друзьям, точнее, нашим общим знакомым. Идея вполне себе тривиальна. Я уже готова корить ее за унылое предложение. Приелось. Сколько было этих дач, резиденций, замков и особняков – устанешь считать. Пустые компании, пустые мальчишки, разбитые бокалы на утро, обгаженные туалеты, рваные резинки и промокшие лифчики, тесные комнаты и неистовые крики за стенами. Скукотища. Почему Кристина надеялась, что я с вдохновением отнесусь к этой гиблой затее?! Наверно, потому что мне нечем заняться. Если подумать, вырваться из удушающего города, в котором бродят Вингурт с полоумной женой, полезно. Кто убедит меня, что она не рискнет отомстить? Женщина она слабая, но непредсказуемая. Обиженные жены готовы на многое.

– Чья эта вилла?

– Аскольда и его брата. Он давно нас приглашал. Ты должна быть с ними знакома.

– Мы разве пересекались?

– В гостях у Мерилин. Помнишь? Тот Хеллоуин оставил массу впечатлений.

Мерилин – старая сука, устроившая вечеринку в день нечистой силы. Терпеть не могу этот языческий праздник, как и все американское. Мерилин помешана на западе с его

радикализмом и сумасшедшими сейлами на распродажах. Она всего-навсего меланхоличная пигалица с королевским приданным, устраивающая дурные приемы, чтоб совратить очередного молокососа.

В тот дьявольский вечер мужчин собралось неприлично мало. В основном крупная рыба: солидные джентльмены, превращающиеся в жлобов, пошляков и грубиянов после первой опрокинутой бутылки мартини, как карета в тыкву после полуночи, то есть в свое исходное состояние. Мерилин страдает частой хандрой, и чтобы взбодриться, устраивает разные маски-шоу. Нам с Кристи пришлось облачиться в ведьм, чтобы попасть на ее сатанинское сборище. Мерилин (она же Маша Топлянская), наследница короля цветных металлов положила глаз на моего мальчика. Сейчас его я даже не вспомню. В памяти остались лишь ослепительные черные волосы без перхоти, как в рекламе. Редкостная удача увидеть волосы, просвечивающие кристальной чистотой, чтобы без седой проседи и на сто процентов чистого лоска. Тогда я питала слабость к черным шевелюрам.

В общем, Мерилин нагло увела моего бойфренда непостижимым образом. Я проиграла борьбу за власть. Лопух поддался искушению и нырнул в ее сети. Может, он и не нужен был вовсе, а в душе все равно обидно. Остальные парни на вечеринке походили на геев и побаивались меня, будто я была настоящая ведьма. Одетые в костюмы вурдалаков, зомби и монстров, вели они себя совсем не по образу. Хелло-

уин стал для меня настоящим кошмаром. Вонючая отрыжка Мерлина Менсона обошла меня, разбив в пух и прах. С тех пор я с ней не общалась, плела против нее козни и придумывала несусветные слухи, дабы опорочить ее нечистое имя.

– Аскольд? Не припоминаю, – напрягалась я как у классной доски перед строгой учительницей, готовой нарисовать в журнале жирную двойку. – Как он выглядел?

– У Мерилин он появился в костюме графа Дракулы. Мы удивлялись поразительному сходству с оригиналом. Я не видела лично этого прославленного графа, но по типуажу, манерам и по каким-то неуловимым признакам Аскольд очень на него походил. Отлично вошел в образ, даже вставил настоящие клыки, отлитые по заказу в центре дентальной имплантологии. Он так смачно грыз ими фундук, что я готова была отдать ему свою шейку, лишь бы ощутить смертельный укус его ядовитых клыков. Аскольд предстал суперзвездой. Как ты его не запомнила?!

– А ты видно на него всю ночь пялилась? – огрызнулась я из-за того, что так и не вспомнила графа Дракулу.

– А ты на кого? – не смутилась Кристина – Тот увалень в костюме спайдера? У вас тогда ни хрена не вышло.

– Это было давно и неправда! – перебила я, чтобы она не позволяла себе лишнего.

Кристина послушно заткнулась и впредь не наступала на больную мозоль. Она так сильно расхваливала Дракулу, что даже я готова в него влюбиться. Совратить вампира – непо-

вторимая прелесть. Что происходит, когда зло связывается со злом? Ведьма и вампир. Не банальный кровосос, а король вурдалаков. И я не ведьма из пресной сказки. Моей изощренности позавидует любая колдунья. Когда связываются два отрицательных персонажа, из тьмы выходит абсолютное зло. Полное нечто! Однотипные заряды отталкиваются – это даже невинные дети знают. Я давно сделала свой выбор, и он явно далек от света. Отрицательные заряды притягиваются. Наверно, тот черноволосый красавец играл на моих завиденных струнах, будучи порождением светлых сил, а мне так и не удалось его очернить и переманить в королевство распутства.

Когда Кристина в общих чертах обрисовала зубастого Аскольда, я вспомнила, что пару раз перекидывалась с ним незначительными фразами. На том наши отношения закончились. Подобными пустозвонами трещала половина записной книжки.

Кристина добавила, что у Аскольда есть симпатичный брат. С ним мне не довелось повидаться. Большую часть времени он проводил на чужбине. Чем-то прельстила его заморская жизнь с отсутствием родных приключений. Тогда я не понимала его, уверяя себя, что он перебесится и вернется.

– Ну, хорошо, – выдохнула я. – Аскольда я примерно представляю, но как выглядит его братишка?

– Понятия не имею, – повела плечами Кристи. – Говорят, он не Ален Делон, но и на брата совершенно не похож. Рань-

ше Аскольд с ним редко общался. Последний год он иногда прилетает в Москву, и Аскольд таскает его с собой. Какая нам разница?! Аскольда мы знаем, значит, и брат его клевый парень. Яна! Плевать на обоих. Мы едем отдыхать.

– Мужчины! – произнесла я так твердо, что Кристина смутилась. – Без них не расслабишься. У меня сто лет не было по-настоящему красивого романа.

– Тебе ни к чему романтика! Ты испорченная девчонка.

– Зря ты так считаешь. Я по-своему романтична, – вальяжно заметила я, изобразив целомудренный вид. – Ты разве собираешься лететь одна? В смысле, ты и я? Без кавалера?

Я под сердцем чувствовала подвох. Как же она не подцепит в поездку бойфренда?! Неужели она собиралась соблазнять братьев? Что тогда останется мне? Неизвестно, стоит ли игра свеч?!

Моя интуиция почти никогда не подводит. И в данный момент она оказалась на высоте. Кристи успела найти себе парня. Его имени интриганка не раскрывала, обещая преподнести сюрприз. Я попыталась надавить на нее. Не люблю сюрпризов, тем более неожиданных. Не хочется оказаться в дурной компании, а я очень привередлива и высокомерна. Когда набьется целый отряд последних снобов и стерв, будет совсем уныло.

– И куда мы собираемся? – полюбопытствовала я, дав волю фантазии.

– В Италию. По-моему, – неуверенно произнесла Кристи-

на. – Куда-то к берегам Средиземного моря.

– Что там делать? Отбиваться от назойливых итальяншек? – капризно заметила я, – мы это проходили. Скоро начнутся миланские показы, и мы все умчимся за скидками!

– Будем держаться подальше от шмоток и погремушек.

– Но если будет невтерпеж?

– Тогда рванем. В крайнем случае, если мальчики нас отпустят.

– Кто их спросит?! – усмехнулась я. – Меня точно не удержать. Ох, дурная эта затея – лететь в Италию в сезон показов. Пусть братья перенесут свою виллу в самую глушь, чтоб никакого искушения, а только море и солнце, море и солнце...

Лететь собирались вшестером. Братья, я, Кристина с сюрпризом и одна взбалмошная пара. Кристина взяла на себя роль комсомольской активистки и приглашала общих знакомых. Половина опрошенных сразу отказалась, некоторые прямо и высокомерно послали нас, треть пообещали, но вскоре попятились, как раки, отказываясь от своих слов. За чем братьям эта возня, я узнала чуть позже, когда Кристина призналась, что они весьма нелюдимы и впервые приглашают к себе, чтоб обмыть новоселье, так как вилла нуждается в прокачке. За свой короткий век я побывала в разных местах и собиралась проверить, как у них обстоит со вкусом.

Особо не раздумывая, я согласилась. Иначе депрессия сожрет меня, старательно прожевывая нежные косточки. Я собиралась проверить мальчиков на прочность. Что может

быть слаще?! Пришел момент сорваться в пучину новых побед. Пусть компания будет не высшего сорта, но тем легче ощущать себя королевой.

Неисчерпаемым источником Кристина около часа вещала о прекрасных видах, сладком вине и чудесной средиземноморской погоде, будто мне предстояло впервые прорубить окно в Европу. Я пыталась выбить признание о сюрпризе, а Кристина неуступчиво держалась. Тогда я пыталась решить этот ребус самостоятельно, прикидывая разные варианты, и попала в точку. Дружком Могилевской оказался прошлогодний любовник из серии «бывший», но почему-то почти по прежнему «настоящий». С такими людьми никогда не удастся поставить точку. Они преследуют и напоминают о себе, играя на нервах. Я не позволяла себе подобных фокусов, а Кристина – довольно часто, но это ее проблемы. Я ими не занимаюсь.

4

Шальные гости раскисали и сдувались как воздушные шары. В них уже не было той стройности и единства по сравнению с внезапным появлением, когда они накатились бурлящей лавиной, сметая всех на своем пути.

Коля осчастливил нас и не покидал номер с несварением желудка, не приставая с кошмарными разговорами и злобонным смехом. Марк прогуливался вокруг отеля наедине со своими мыслями, лишь изредка обращаясь ко мне, надеясь нарваться на философские дебаты, а я аккуратно оста-

навливала его и посылала. Дурнушка Люси искренне пыталась подружиться со мной. Серж даже ревновал и высказывал недовольство.

В редкие минуты, когда мы оставались с Сержем наедине, он старался отдать мне максимум себя, послушно вилял хвостом, высовывал малиновый язык и неуклюже двигал оттопыренными ушами, показывая собачью преданность.

– Я понял, как ты очутилась в Европе, – говорил он, искоса смотря на меня с подоплекой подозрительности. – Италия! Мама мия! Я был там пару раз. Спагетти, пицца и паста, смуглые итальянки – много шума из ничего. Мои римские каникулы не отличались авантюрами и прошли довольно тихо под прессом флегматичного гида, возившего нас по достопримечательностям столицы. Такого педанта я не встречал! Моему папаше до него не добраться. Гид был мигрантом из Северной Африки и одинаково безобразно владел итальянским и английским, но болтал, как помело, маскируясь под коренного уроженца Болоньи. Получалась неразборчивая гремучая смесь – ядерный заряд для лингвистов.

– Так ты классно повеселился, – кисло заметила я, остановив зарождавшийся монолог. – Представляю, как ты разъезжал с полоумным африканцем в душном автобусе с десятками туристов.

– А ты не очень-то весело отдохнула, – попал в точку Серж. – Почему ты тянешь время? Когда перейдешь к сути своей истории?

– Потерпи. Ты всегда хотел получать все и сразу! Это неправильно. Ты избалован донельзя, не прикладываешь никаких усилий, даже забросил учебу и таскаешься по Евросоюзу как цыганский табор, скрываясь от отца.

– А ты от кого скрываешься?

– Я? Все мы скрываемся от кого-то. Кто-то от судьбы, кто-то от себя. Я нечто среднее. Ответ удовлетворил тебя?

– Не совсем. Все мы скрываемся от кого-то, – повторил он мою мысль. – Ты права. Взять Марка и Николая! Их разыскивает семья. Они совершенно зря сюда приперлись, потому что в любой момент могут нагрянуть сыскные псы в лице частных детективов или службы личной охраны. В моем случае проще. Меня не будут прицельно разыскивать. Папаше давно наплевать на меня. Он понял, что ничего путного из сыночка не выйдет, а что уже вышло, то не исправишь, а если надавить, то вообще можно все испортить. Я не глина и не подвергаюсь ручному воздействию. Как слеплен, так слеплен, так что пусть пеняют на себя. В конце концов, легко выяснить мое местоположение по платежкам. Мама тайком пересылает мне скромные средства, иначе я просил бы милостыню на Парижском вокзале, докатившись до полного банкротства.

Его рассуждения носили рафинированный налет банальности и инфантилизма, вызывая во мне протест. Но я не останавливала Сержа и не указывала прямо на его выпирающие из штанов недостатки. Если мальчик будет наивно ду-

мать, что я вся во внимании и серьезно отношусь к его выходкам и лепету, то он проникнется большей преданностью, хотя куда уж больше?!

– Пряма-таки банкротом?! – позволила я горсть иронии. – Ты никогда и в Макдональдсе не питался, не знаешь как правильно кусать гамбургер и пить диетическую колу, а про картофель фри молчу.

– Нет! – отчаянно парировал Серж. – Про диетическую колу я знаю! Я всегда пил только диетическую!

«Дурень!», – подумала я, прикусив нижнюю губу, ощущая тупой укол.

Плевков в его изнеженную душонку подействовал. Мальчик задет и взят за живое. Конечно, я не хотела его осудить или унижить, ведь сама варилась в такой же каше, и не имею никакого морального права вещать от лица всех обездоленных и оскорбленных. Но почему-то подразнить его приятно – мое невинное садистское удовольствие, и, возможно, я доставляла ему порцию мазохизма. Серж- испорченный фрукт, склонный к бродяжничеству и разгульному поведению. Здесь мы разного поля ягоды. Я скитаюсь по миру по нужде и необходимости, а наследник покинутого престола по дурной прихоти и разгильдяйству.

Обсуждая сплетни и склоки, мы расположились в уютном ресторане с византийской кухней, неизвестно чем отличавшейся от современной, но, по словам шеф-повара, считавшейся позабытым артефактом. Нам вдвойне повезло по-

пробовать предлагаемые кулинарные шедевры, чтобы разоблачить важное, отдающее духом старины название, доказав, что «Византия» – нелепый миф зарвавшегося кулинара.

Любезный Серж по-прежнему не давал покоя, наливая до краев алкоголь, будто лелеял несбыточную мечту о моем опьянении, чтобы я оказалась полностью в его власти. Глупец. На деле получалось иначе. На аппетитный запах подкатили Марк с Люси, а Коля остался обедать в номере. Чем он накануне отравился, до сих пор оставалось тайной. К нему приходил врач и проделывал лечебные манипуляции, что-то вроде промывания желудка или массажа живота, выявляя признаки воспаления придатков и мозгов. К сожалению, его не увезли на скорой до ближайшего госпиталя. Добрый доктор прописал постельный режим. Коля вынужден курить в потолок и проклинать создателя.

Не в меру сонный и отечный Марк отрапортовал, что Коля пока жив и передает всем привет, обещая спуститься к ужину. Я попросила его не спешить и полностью поправиться, чтобы напрасно не напрягать измученные жилы. Марк пообещал передать пожелания, но отказался заходить к нему, так как боялся подцепить заразу. Почему-то ему представлялось, что Коля подхватил смертельную инфекцию, и общался с несчастным через прочную дверь из красного дерева. Позже Марк признался, как они накуролесили в клубе и сняли несколько сомнительных цыпочек. Что они делали с ними, осталось загадкой, но якобы после тесного общения Коля

и почувствовал себя плохо. Никакой связи я не увидела, но порадовалась за похотливого кабана, если он плюсом подцепит триппер. Смущал внимательный лекарь, исключивший венерические напасти кроме банального переедания и злоупотребления «Шанти».

В то утро я проснулась в мигрени. Ни свежий воздух, ни приятный душ с маслом не помогли вернуть доброе расположение духа. Я готова смеяться над любыми неприятностями, если бы только они не касались меня.

– Что с тобой? Не выспалась? – Серж подмечал любые нюансы, успев изучить меня как дорогой экспонат. Регулярно наблюдая за мной, Серж метко улавливал мои позывы, отчего даже становилось не по себе, а в голове появлялись залетные мысли, что пора прекратить этот циничный эксперимент. Но спешить некуда, потому мысли не задерживались и сменялись потоком ереси.

Моя меланхолия не знала границ и распространялась на Сержа. Он брал огонь на себя, мимикрировал под меня оттенком кожи и лоском губ, становился моей копией, плохой подделкой, некачественной, незамысловатой, убогой. И я не принимала ее, а отторгала, стеснялась и избегала. Иногда Серж пугал меня, отчего казалось, что он готов на многое, а я зашла слишком далеко, так бессовестно окрутив этого мальчика без стеснения, смысла и возможности продолжения отношений. Иногда он самоустранился и не капал на мозги минут двадцать, пока очередная одержимая волна не

накатывала на него, погружая в пучину неудовлетворенной страсти.

Вместо Сержа появлялась Люси, видя во мне женщину-энциклопедию, с помощью которой можно разгадать самый запутанный вопрос. Люси пользовалась уготованным случаем как бесплатным купоном. Я ощущала себя профессором из академии наук и главой института по соблазнению мужчин и доведения их до полного помешательства. Люси послушно записывала в блокнот мои изречения, в секунду становившиеся крылатыми фразами, растворяясь в народных массах. Несколько вечеров ей удавалось отнять у меня пару часов для решения своих меркантильных проблем. Я не отказывала: во-первых, потому что не хотела обидеть девочку; во-вторых – Люси не мужчина, поэтому никакого презрения и подвоха я не испытывала. Я учила ее жизни, поглядывая сверху вниз с неопишуемым превосходством и подчеркнутой субординацией, отчего Люси пищала от восторга.

– Будем дружить, – наивно уверяла она себя, орудуя столовыми приборами.

В меню обошлось без артефактов. Те же супы, гарниры, классический жареный поросенок на углях и закопченная курица с оливками. Проследивался избыток мясных блюд. Видимо, в дикие эпохи любили насыщаться животным белком, дабы набраться сил перед будущими походами. Ни одного интересного блюда я так и не встретила. Византией здесь и не пахло. Я представляла ее другой, более загадоч-

ной, с запахом вековой пыли, казематной плесени и отсыре-
лого кирпича.

Неподалеку от нас сидели уже запомнившиеся туристы с севера: финская семейная пара и, невесть каким образом очутившийся с ними в одной упряжке, бородатый швед. Он неделю ходил по городу в спортивном костюме, словно ища заснеженные склоны и потерянные лыжи. Хотелось послать его в Альпы и уговорить местных гангстеров, коих здесь почти не водилось, засунуть ему одну лыжу в зад для максимального ускорения – так невыносимо он смотрелся в тонах бархатного сезона.

Финны вели себя достойно и почти не шумели, прикидываясь глухонемыми, чинно проводя отпуск. Глава семьи, высоченный великан, с седой, но пышной, как шапка Мономаха, шевелюрой, несколько раз приглашал нас на совместный ужин, но мы тактично отказывались, ссылаясь на насыщенность культурной программы. Он не обижался, понимая наши заботы, показав великую нордическую самодостаточность. Финн воспитывал славную дочку лет семи от роду, но и она вела себя непривычно скромно: не бегала по коридорам, не распевала наизусть заученный хит последнего триумфатора «Евровидения», звучащий из каждого приемника. Дочка послушно шаталась с мамой, взяв ее за руку, и ковыряла в носу. Божественное дитя – идеал воспитания и благонамеренности. «Отлично! – слышала я от них на всех языках мира. – Перфекто, Белиссимо!». Скажу сразу – по ночам мы

не шумели и позиционировали себя достойно как цивилизованные граждане, за исключением нескольких персонажей.

Не прошло и двадцати минут одиночества, как нахлынул Серж.

– Как тебе обед?

– Так себе.

– Вот в Нормандии потрясающая кухня, – причитала Люси. – Рекомендую.

– Яна только что вернулась из Италии, – сдал меня Серж бессовестно и нагло.

– Да? – удивилась Люси. – А где ты останавливалась?

– Убей – не помню, – хмуро ответила я. – Изумительный вид и дыхание моря, свежесть и бриз, в общем – было очень хорошо.

– Где это место? Поделись?! Я бы тоже туда рванула. До нового года мне делать нечего. В отличие от этих неисправимых лентяев, я учусь на заочном. То есть, почти и не учусь, но числюсь, и меня еще ни разу не отчисляли. Как скоротать время – самая важная проблема.

– Зачем устраиваться за рубежом, чтоб учиться заочно?! По-моему, это не разумно.

– Ага, и мама мне тоже твердит, но я сама перевелась, чтобы посмотреть мир. До восемнадцати меня не выпускали дальше дачной ограды, а если я и выезжала куда-то, то в сопровождении предков или охраны. Возраст долгожданного совершеннолетия – чудесно! Теперь я могу позволить себе

абсолютно все. Передо мной открыты любые двери, и я лечу, куда захочу! Где это волшебное место?

– Это частное владение.

– Понятно.

– Их десятки. Поспрашивай у знакомых. Там все скуплено русскими.

– Я тебе дам парочку адресов, – вмешался Серж. – Там ты можешь погостить, сколько будет угодно.

– Благодарю! – сияла Люси. – Надо составить план. Пока забиты недели до середины ноября, а там уже придет зима. О, нет! Мы должны собираться!

– Вы разве покидаете нас? – наигранно грустно спросила я.

– Ага! Завтра, к сожалению, я уезжаю, и Марк тоже. Как быть с Колей?

– Он поправится, – предрекала я, свыкаясь терпеть этого проходимца.

Трапеза завершилась набитыми животами. Финны ушли первыми, забрав с собой шведа, обреченного от осознания своей никчемности в этой осенней мгле. Снега нет, а лыжи потеряны. Лучше свалить в Куршавель, пока нет русских сезонов, но и там сейчас скука смертная, так что остается терпеть и ждать, чем швед и занимался, опустошая бар.

После обеда Марк отправился с Люси по магазинам, избавив меня от ее нудного общества и предложив порезаться в картишки по возвращении. В карты я не играю, ни в покер,

ни в дурака, и обсуждать с ними собираюсь только детали отъезда.

День прошел без событий. До вечера я пролежала в номере, покорившись тоске. Не было сил принять ванну и отжаться жгучему водопаду душа, смотреть в окно на бесконечный перекал моря и терпеть приставания Сержа. Я гадала, как бы незаметно слинять. Обилие чудачков из нашей тусовки напрягало. Если так легко подкатили приятели Сержа, то ненароком появятся и мои враги, запуская следующую игру с непредсказуемым и захватывающим сюжетом.

Я дремала, когда раздался звонок. Серж позволил себе спросить, как я себя чувствую, а когда услышал, что я спала, долго извинялся, добавив, что сам хандрит, пьет горькие пилюли и надеется на нашу встречу, назвав меня лучшим лекарством. Ему не хватает меня как воздуха.

– У меня ломка, – признался он, давя на жалость. – Ломит душу, ломит сердце. Достаточно взглянуть на тебя, и отпускает. Сознание накрывает неопишуемая волна счастья.

Меня забавляла его странная речь, и меланхолия ослабляла сдавливающие тиски. Уверена, Сомов никогда не сидел на игле, а баловался по молодости марихуаной или прожигал ноздри коксом. Он и сейчас позволяет себе пошалить, а когда-то мы шалили вместе. Сейчас он «сидел» на своих лекарствах, от которых ему никогда не избавиться.

В сотый раз я пообещала ему надежду. Потерпи, и я буду твоим наркотиком. Серж что-то мямлил и заметно размяк, а

по щеке катилась вниз нежная, кристально чистая слезинка. Моя меланхолия передалась ему с устрашающей болью. Я посоветовала выпить пилюли и отдохнуть, придумав, чем мы займемся вечером или следующим утром, если я не просплю до обеда.

Как вы, наверное, догадались, Серж был далеко не первым и, может быть, не последним несчастным, воспылавшим ко мне светлым чувством. Не уверена, насколько сильно его влечение, но Серж явно был не в себе. До него были другие герои. Даже если не касаться Вингурта с его взбалмошной женошкой, найдется десяток жертв, кому я отравила жизнь намеренно или спонтанно. Многие из их жалеют, что когда-то связались со мной, а другие создают план мести. Кто-то уже отомстил, и я до сих пор зализываю раны. Кто-то готовит хитроумный план, возвращая его в коридорах маниакального мозга, а кто-то пытался забыть меня и утолить горе в вине. От меня не так легко избавиться, и кто-то поспешно спился. Даже последние алкоголики помнят Яну Даль.

Я же никого не забываю и помню каждого искалеченного мужчину. Они наивно считали, что сами меня выбрали. Типичная мужская ошибка. На самом деле женщина выбирает мужчину. Через меня пробежал целый калейдоскоп мужчин. На беглый взгляд все они казались титанами и блюстителями судеб, они возомнили себя Богами, но были свергнуты с Олимпа одной хрупкой, но очень опасной женщиной. Я оставалась навечно Lonely&Satisfied.

Разные типажи и характеры с червоточинкой слабости. Я умела находить эту слабость и разочаровываться, цепляясь за нее, изучая, примериваясь, облизывая, пробуя на вкус, а затем поглощая, прожевывая и выплевывая. И когда червоточинка была изучена, возникало самое любопытное и увлекательное. Мой яд доходил до кондиции, и я медленно и безжалостно, с высшим замыслом, по наитию, безвозмездно и даром отравляла мужчинам жизнь.

Убитые типажи мелькают в паутине подсознания и всплывают перед внутренним взором. Ярослав Бернских – дебютная жертва, лишившая меня ядовитой невинности. Я выдала главную смертельную дозу, отравившись сама.

Мы познакомились пять лет назад на светском рауте в пригороде Петербурга. Тогда было модно выезжать на природу и путешествовать как Магеллан или Прожевальский с борзой кобылой. Господин Бернских хотел, чтобы его лошадю стала именно я. Ухаживал он долго и красиво, с морем цветом и дорогих презентов, от которых остались одни холодные воспоминания с привкусом затхлой копоты. Бернских владел акциями концерна нефтетрейдеров и дружил с моим папилькой. До сих пор я подозреваю отца в насильственном ангажировании его интересов в моем трепетном сердце. Я ушла от жениха молниеносно, буквально удрав из-под венца, по неволи сравнивая себя со сбежавшей невестой. Бернских рвал на себе волосы и подставил папочку, оставив его с носом на ближайшем собрании акционеров. Смешив

вать личное с общественным не рекомендовали даже античные философы и гуманисты эпохи просвещения, но папочка плохо штудировал университетские книжки.

– Как ты посмела?! – твердил он на семейном совете, ставшим последним. – Ты подвела меня и разрушила все, что я создавал!

Не выдержав критики, я сбежала из дома. Меня уговаривали вернуться, обещали простить, но я выросла принципиальной девочкой и на уступки не шла. Ни тогда, ни сейчас.

– А что такого? – я манерно закатывала глаза, как учили в школе сценической речи.

– Он подходил тебе! Вы были бы счастливы!

– Я не люблю его! – возражала я настолько убедительно, что даже мамочка послушно кивала. – Я не люблю его. Зачем обрекать себя на пытку? Очнись! Замуж выходят один единственный раз! Я не хочу такой судьбы своим будущим детям, когда они будут видеть папу по воскресеньям, а маму по средам и пятницам. Слышишь? Я сама принимаю решения. Вы мне не указ!

В тот вечер я наговорила много глупостей, шокировала мать и сама напугалась до смерти. Мама перешла на мою сторону и надела на папу, чего я и добивалась. Переманить мать – главная победа, а остальное – дело техники. Две сильные женщины сломят любого генерала семейства.

Конечно, я говорила не всерьез. Какие дети, какое счастье, какая судьба? Тогда я ощутила особое удовольствие из-

девательства. Полгода спустя выяснилось, что бизнес Бернских дышал на ладан и висел на волоске от краха. Папаша готов был ему помочь и спасти свои деньги, но фокус не прошел. В сводках финансовых новостей я услышала о банкротстве его компании, а жениха обвинили в махинациях и уклонении от налогов – типичная схема уничтожения бизнеса и человека. Выдвинуты серьезные обвинения, домашний арест и конфискация имущества. По цепной реакции бредут судебные разбирательства, схватка борзых адвокатов и цепных псов государственных обвинителей. Басманный суд пыхтит как изношенный паровоз, выпуская пар сквозь щели в оконных стеклах. Дело шьют. Жаркая пора для сберегательных счетов. Защита постаралась на славу. По-моему, его так и не посадили благодаря молчаливому одобрению свыше, не считая лучшей столичной адвокатуры. Дело замяли, но репутация уничтожена. Бернских убрался за бугор и осваивает месторождения где-то между Никарагуа и Венесуэлой под крылом и опекой Чавеса.

– Ты не любила его, – лихорадочно рассуждала мама, – и поступила так, как когда-то не поступила я. Прости, но я не любила твоего отца. Слышишь? Я никогда его не любила. Отношусь к нему с уважением, с привязанностью, но любви не было. Сейчас не страшно в этом признаться. Любовь была к другому! Дети должны знать правду, пусть самую мерзкую. Прости меня?! Я не люблю твоего отца!

– Что ты такое говоришь?!

– Ты должна знать!

– Не надо! Я не хочу! Кто тебя за язык тянул?!

– Ты взрослая девочка!

– Ты думаешь, я раньше не понимала? И папа все понимает.

– Не спорю.

Дальше шли разоблачительные признания и нелепые взаимные обвинения, заканчивающиеся всепрощением и возобновленным единством.

Мама стала до одурения откровенной, а я стала жесткой и безжалостной. Все мы меняемся с возрастом, причем в разные стороны. Недостатки заостряются, а добродетели исчезают. Я до сих пор грешу на маменьку. Вдруг, именно она не внесла в меня добрых мыслей и поступков, отчего я выросла чрезмерно циничная, будто обладаю ледяным сердцем и вожусь с несчастными Каями, объединенными одной единственной черной меткой. Делаю из них, что хочу, и никакая Герда меня не остановит. Герды вымерли, как последние индейцы из Могикан, и на их место никто не пришел. Снежные королевы безнаказанно занимаются привычным ремеслом, приносящее ледяное удовлетворение. Так происходит со мной с пугающей регулярностью. Да будет так...

Задавалась ли я вопросом: зачем? Для чего? Несомненно! Придумывала ответы и гипотезы, благодаря которым можно написать не один трактат и защитить десяток докторских

диссертаций. Но ни одна гипотеза не поддается проверке на практике. Они слишком умозрительны. Их невозможно потрогать руками, ощутить их материальную сущность, проникнуть в суть. Это и есть вещь в себе. Ее не дано разгадать ни великим умам человечества, ни, тем более, мне.

Я не люблю...

Как часто я произносила эту фразу с упоением и трепетом. Противоречиво, в непохожих ситуациях, но эта фраза всегда становилась приговором и казнью. Она не миловала. Фраза стала сакраментальной.

Я не люблю тебя! Как лезвием клинка ударить точно в сердце, как острием бритвы по взбухшей вене, как намыленной шеей угодить в петлю.

Я не люблю тебя – смертельно-ядовитый приговор.

По характеру Ярослав Бернских был человеком сложным. На первое место он ставил логику, а эмоции прятал. В нем имелись плюсы и достоинства, иначе я даже не стала бы с ним разговаривать. Меня нужно удивить, а потом уже норочить покорить. Он поджидал подлянку. Развитая интуиция подсказывала ему, что со мной связываться опасно, есть риск поплатиться и горько пожалеть о шальном поступке. Логика и расчет подвели его. Ухаживал он пресно и однообразно. Если цветы, то обязательно розы, если ресторан, то обязательно с европейской кухней. Его консервативность проявлялась на каждом шагу. Особенно меня смущали нелепые установки нашей интимной близости. Он заявил, что до же-

нитьбы не отдался мне. Я чуть не упала со смеху, не ожидая услышать такую глупость. И я сама не стремилась к нему в постель. Он вызывал лишь жалость, когда я находилась в хорошем расположении, и отвращение, когда находила тоска. Ярик порадовал. Подобных заявлений не услышать от сорокалетнего холостяка с нажитыми морщинами и крестообразными шрамами на щеках от наследия дикого капитализма. Я бы не удивилась, если бы он до сих пор оставался целомудренным переростком. Между нами отсутствовала духовное общение и доверие, а громоздилась пропасть, постоянно расширяясь, чем больше я узнавала фактов из его биографии. После его признания я стала замечать в нем запах нафталина, грязных горшков и правой руки. Я даже стеснялась брать его ладони, представляя, как он копошится в широких штанинах, забывая испражнениями уборные и клозеты. От одной мысли мне становилось дурно и хотелось сбежать.

Он регулярно просыпал, опаздывая в офис, и ранил себя безопасными бритвами, оставляя ссадины и кровоподтеки. Он резал свои шрамы, слоившиеся по лицу шершавостью. Я рекомендовала ему пластику, но он категорически отказывался, называя свои увечья нажитыми наградами, а я отказывалась целовать его в щеки. По-настоящему мы не соприкасались губами. Он пугливо гладил мою пышную и загорелую ручку. Любил брать ее в свои мозолистые и крепкие, почти как тиски, лапы, и сжимал ее, проводя указательным и безымянным пальцами вдоль основания, заставляя покры-

ваться мурашками. Моя кожа вскипала отвращением, но я терпела, мучилась, вытирала руки о шелк и тщательно очищала жидким мылом и лосьоном.

Получался не человек, а монстр. Мохнатое чудовище, бо-рющееся за сердце неприступной красавицы. Но я свыкалась с ним и смирилась, значит, и в нем водились приемлемые качества. Я зацеплялась за них как за ветки столетнего дуба. Возможно, я преувеличиваю и где-то лукавлю, напрасно сгущая краски, но Ярослав был самым пресным и пугающим цветом из моей акварели мужчин. В нем присутствовал ум. Он реально и трезво смотрел на многие вещи. Например, он не питал иллюзий, что между нами вспыхнет душераздирающая страсть, что я кинусь к нему на шею и упаду в объятия. Где-то под сердцем, глубоко-глубоко внутри, в основании позвоночника, он понимал отсутствие любви между нами, а наши отношения – выгодный фарс, сулящий высокие проценты в долгосрочной перспективе. В итоге Ярик не получил ни шиша, очутившись в долгах как в шелках.

Когда мы случайно пересеклись в «Vogue Cafe» Ярослав хладнокровно заявил, что предполагал подобный финал и свел риски к минимуму. В нем отсутствовали эмоции и любой намек на обиду. Он окончательно превратился в робота, отлично вычисляющего математические задачи. Я не удивилась его словам и невозмутимо отзеркалила его мертвый взгляд. Прежде невозмутимый Ярик неожиданно перешел на личности и позволил себе дерзко высказаться на мой счет,

упомянув мать и проклиная отца. Я не сдержалась и пожела-
лала ему сдохнуть онанистом и евнухом. Он развернулся и
ушел, а я запомнила его сутулые плечи, как бы разрубленные
наполовину. Как злобный горбун из Роттердама, он поплел-
ся за ближайший угол, с той минуты потеряв меня оконча-
тельно. Сначала я испытала облегчение и поучила порцию
холодного адреналина. Потом накатили равнодушие и немая
грусть, а последним аккордом прозвенела пустота. Ярослав
занимает почетное место в галерее намалеванных мною кра-
сок. Он самый серый цвет – оттенок уныния и безразличия.

Акварель наполнялась с приливами и отливами. Каждый
цвет запоминался отчетливо и по-своему уникально, искрил,
возбуждал, оставляя жирные, несмываемые следы. Когда
цвета перемешивались, наступала полная катавасия. Сме-
шивать краски – жуткое занятие, потому я никогда этим не
занималась. В акварели все цвета равны, нет фаворитов и
победителей. Каждый занял свое место в памяти, залившись
в специально подготовленную лунку. Пока есть и вакантные
места.

Естественно, речь шла о Серже. Он уже на подходе и сле-
дующим превратится в экспонат моей разношерстной кол-
лекции. Какой цвет ему подобрать, я пока не определилась.
Серж – целая композиция, намалеванная из сотни оттенков.
К нему я питаю симпатию лишь как к объекту своих психо-
логических игр. Серж не мужчина моей мечты, и никогда им
не станет. Он весьма далек от претензии на привлекатель-

ность. Его дурные привычки и испорченность бьют ключом, обнажая острые недостатки, коих у него на порядок больше, чем достоинств. Если честно, мне сейчас не до новых игр. Не будь я знакома с Сержем тысячу лет, то держалась бы от него за тысячу километров, а любые попытки к сближению запорола, не давая сосунку ни малейшего шанса. Серж отгоняет других самцов, как голодный котяра, метит свою территорию, благодаря чему никто не подкатывает, будто Серж платит каждому постояльцу по тысяче евро в день, чтоб они держали себя в узде. Впрочем, иногда бывают осечки.

Прошлые события не дают покоя. По их вине я прячусь в каннском пристанище и открываюсь сомнительному мальчику о своих похождениях. Любопытство Сержа растет в геометрической прогрессии. Он задает дерзкие вопросы, погружаясь в самое дно, а я отвечаю, сохраняя тайну, не убиваю интригу, ведь мы с Сержем лишь в начале пути, а впереди целая история с множеством ходов и сюжетных линий.

Нетерпеливость слушателя заставляет меня волноваться и выходить из себя. Я даю волю чувствам и ругаюсь, обзывая Сержа подонком. Серж гогочет, взмахивая взъерошенными волосами как конской гривой так задорно и мило, что самой хочется смеяться. Он совсем ребенок, и я повторяю ругательства в ироничной манере и поднимаю вверх его волосы. Он становится сюрреалистичным персонажем, напоминая панка в смокинге, а я смотрю на него и надрываю живот. Серж не прилизывает локоны, а входит в роль служителя

рок-н-ролла, показывает мне средний палец в кулаке и быкует, округляя ноздри. Следующим движением он изображает пацифистский знак под девизом «неформалы всех стран объединяйтесь!», угорая в приступе колики.

Его приступы неумемные. Надрываясь в позе эмбриона, он становится совершенно неуправляемым, а мне страшно за его здоровье, и я бегло ищущу коробку с лекарствами. Рядом таблеток нет. Тогда я плюю на него, перешагиваю надрывающееся на полу тело и ухожу прочь. Он снова все испортил, не дав рассказать главного. Повторяться сложно, особенно когда теряется нить повествования. Вдвойне сложнее вспомнить суть, когда нить обрывается, или ее режут ножницами на мелкие фрагменты.

5

Я сломала ноготь перед тем, как Кристи привела меня на очную ставку к братьям. Ноготь зудел и щекотал нервы.

По сложившейся традиции мы заскочили в «Фреско» – любимое заведение Кристи. Я сразу узнала их. Они не были сильно похожи, но однотипные черты присутствовали в каждом. Два ярких типажа. Один явно превышал метр восемьдесят, а второй не доставал до макушки первого сантиметров пять. Я ловила себя на мысли, что раньше мне где-то доводилось видеть самого высоченного парня.

Коротышка Антон не походил на зарвавшегося сноба. Сложно определить, кого он больше напоминал. В нем проглядывались живость характера, ум и некая непосредствен-

ность, но эти качества таились где-то под кромкой тонкого льда, вскрыть который не представляло труда. В общем, Антон мне приглянулся. Не понравился, а именно приглянулся. Славный малый. Из тех, кто ласкает взгляд.

Вроде бы он не проявлял ответного интереса, задев меня за живое, отчего я забыла про сломанный ноготь. Боль утихла, а налитая кровью ранка отступила под кожу. От возмущения и обиды я начала искать в нем недостатки. Они пронзались наружу как шипы в розе, но озвучивать не к месту, тем более они не имеют значения.

Братцы-кролики переглядывались как на поминках, уступая друг другу шанс завязать разговор. Аскольд был небрежно выбрит. Его щетина привлекала, и хотелось провести по щеке ладонью, ощутив скрипящий шелест миллиметровых шипов. На подбородке выступала нарождающаяся борода, а губы окаймляли тонкие усы. Антон щеголял румянцем и искусственным загаром. Гладкая кожа, покрытая золотистой корочкой – его конек.

Пальму первенства перехватил Аскольд, будучи старше и наглее. Раньше он уже общался с Кристи, что придавало ему уверенности. Аскольд расхваливал свою виллу во всех подробностях, как будто от этого зависел контракт на миллиард долларов. Антон скромно поддакивал ему, но постепенно вмешивался в разговор и эмоционально отражал билиберду брата, словно играя в немом кино. На Чарли Чаплина он не походил, однако мимика пестрела щукинским мастер-

ством, а глаза умело прятала дилетанта.

– Редко удается вырваться отдохнуть, – причмокивал Аскольд, расставляя акцент на последнем слове. – Проклятая работа высасывает все соки. Заставил себя взять месячный отпуск. Тут и брателла приехал – не мог же я обломить его в сотый раз?!

– Вы редко видите? – спросила Кристина, жадно рассматривая обоих, забыв о своем зарезервированном дружке.

– Очень. Задумали провести каникулы вместе. Но вдвоем куролесить не айс. Вот и собрались подобрать друзей.

– Мы отличный вариант, – добавляю я. – Лучше не найти.

В этом нет никаких сомнений, если учесть, с кем нам придется соревноваться. Мы лучшие в любом смысле – это не лесть и не бравада на потеху публики. Мы уверены в себе, словно в неотразимом шарме Коко Шанель.

– Нас будет четверо? – спросил Антон, находясь в легком замешательстве.

Настолько рассеянным и непонятным был его вид, что он напоминал потерявшегося сорванца, разинувшего рот и готового пискнуть сиреной, чтоб привлечь сбежавшую мамку или дежурившего за углом постового. Мои губы расплывались в улыбке, но я прикусывала их, сдавливая в гармошку.

– Как минимум, – ответила Кристи. – К нам должны присоединиться двое кентов и мой бойфренд – как бы с сожалением добавила она. – Пожалуй, достаточно. Мы же не экскурсионный автобус набиваем по дороге к святым местам.

– Достаточно, – кивнул Аскольд. – У меня не так много места, чтоб заселить целый табор.

Я заранее представляла, как они разбредутся по комнатам, и начнется самое волнующее представление. Просчитав возможные варианты, я определила, что на вилле соберутся Кристи со своим хахалем, другая парочка, два брата-акробата и я. Два к одному, и три на один не делится, точнее, делится, но не разделяется. Один лишний. Кто? Я пока не определилась, как будто это зависело от моей воли.

На восемь балов тянул Аскольд – мужественный и уверенный в себе, организатор вояжа и владелец резиденции, настоящий вождь племени. Мы всегда не прочь замутить с лидером, ведь власть привлекает и особенно возбуждает. Достаточно вспомнить старых перечниц, навязчиво повторяющих, как им хочется переспать с президентом, какой бы хилой и невзрачной наружностью он не вышел. Статус перекрывает любые недостатки. Власть всегда возбуждает.

Антон тянул на шестерку по десятибальной шкале. Десятка – недостижимый идеал. Чего-то в нем не хватало, и в чем-то он был обделен. Природа не отдохнула на нем, но схалтурила. Нет, не так грубо. Кое-что упустила, утомилась, не отесала нюансы его телесной организации. В отличие от брата Антон держался загадочно, словно хранил какой-то секрет, дарованный ему свыше. Если у Аскольда, что на уме, то и на языке, то Антон тщательно подбирает слова. По его надутой и напряженной физиономии я определила, что он желал из-

лить из себя гораздо большего словесного поноса, чем ему пока удалось, но такова была его квота. Многое осталось в закромах. Аскольды встречаются, если не на каждом углу, то сплошь и рядом. А типаж Антона довольно редкий. Хватать его нет смысла – он никуда не денется. Он как ручной зверек типа суслика или хомяка. У тех и других есть зубки, и иногда даже они кусают.

Аскольд одевался нарочито просто и дорого. Его визави выглядел изящнее и строже, будто именно для него создали галстук – величайшее изобретение кутюрье, словно Антон был рожден не в рубашке, а с завязанным на шее галстуком, стесняя пурпурную шею, как удавка петли или обруч ошейника.

Я давно собиралась провести эксперимент и сравнить длину галстука с размерами полового достоинства. Галстук – законный фаллический символ. Мужчины любят разные варианты и способы завязывания узлов. По моим скромным, но чистым опытам я сделала вывод: если галстук повязан плотно, а верхняя пуговица сорочки надежно прикрыта как пояс девственницы, значит, мужчина склонен подавлять себя, его сила сжимается кольцом, будто обвивая крайнюю плоть. С другой стороны такие мужчины всегда собраны и стоят на страже, готовы ринуться в бой при любой возможности, но в том есть противоречие и лакмусовая бумажка их мнимой несостоятельности. Мужчины с развязанным и расхлябанным галстуком в общении держатся свободнее и бес-

принципно. Для них нет ничего святого. Часто они разгильдяи, неудачники, бабники, тунеядцы и холостяки. Импотенты, альфонсы и жиголо предпочитают обходиться без галстуков, опасаясь их, как огня. Так средневековые крестьяне боялись неведомых бактерий чумы в образах дохлых крыс и сырого мяса. Для них завязать галстук – смерти подобно. Проверено на моем скромном опыте.

Я забыла упомянуть о цветах. Галстуки как мужчины, а мужчины, как галстуки. Красный галстук – цвет силы, власти и здравого смысла. Черный – цвет порока и тайного желания, сиреневый – двусмысленности и сарказма, разноцветно пестрый – целая солянка, белый – отражает высокомерие, слащавость и скрытый садизм, а голубой – до сих пор находится в изучении. Антона украшал черный галстук без пылинок и перхоти. Сияющий обнаженный шелк.

За разговором братья налегали на вино, словно утоляли жажду. Кристина расспрашивала подробности плана на отдых, а я осторожно дула на поврежденный ноготь, стараясь привлечь их взгляды. Сильнее их привлекала Кристина, трещащая без умолку как базарная балаболка.

– Давайте прокатимся по всему побережью? – предлагала она сумасбродные идеи.

– Можно, – соглашался Аскольд. – Только это проблематично. Там кругом скалы и заграждения. Нарушать закон – не для нас.

– Нам бы тоже не понравилось, если бы на мою террито-

рию без приглашения заехал залетный ревизор, – заметил Антон. – Если есть объездные пути, то изучим карту, но лично мне лень этим заниматься. Я лучше поплаваю в бассейне или погуляю по пляжу. Походы я не жалую.

– Посмотрим. Все может быть, – добавил Аскольд. – Но ты же будешь занята бойфрендом?

– По-твоему, коней не меняют на переправах? – соблазнительно промурлыкала Кристи.

– Если твой дружок конь, тогда я пас, – чуть не заржал Аскольд, изображая того самого борзого скакуна, но на силу сдержался.

Вся честная компания раздалась оглушительным смешком, поддержав удачную шутку. Кристи ни капли не смутилась, поняв без подсказок, что имел в виду Аскольд, а я последний раз убедилась, что приятель ей даром не сдался.

И где она нашла эту падаль? В каком притоне подцепила заразу? Зараза оказалась приставучая как банный лист, который трудно отодрать без усилий. Кристи могла найти мужика по солидней. Но старая зараза проверена, а подцепить другую – слишком рискованно.

Через полчаса к нам подкатила вторая парочка. Я чуть не упала со стула, когда узнала Бизона и Клетку. С таким колхозом предстоит провести незабываемый уикэнд?! Терпимость – главная добродетель.

С Бизоном я пересеклась в «Сохо» будучи значительно моложе и глупее, когда бежала в туалет, сжимая в ладони

белую россыпь. Открыв дверцу, я увидела спящее чудовище, облокотившееся на сливной бочок, и храпящее в мрачной тональности. Не будь я великой Даль, если бы не ввязалась в драку. Тогда я надавала ему тумачков острыми каблуками от ДжанфракоФерре.

Чудовище проснулось и отползло к стене, уронив крышку бочка на пол, звонко треснувшую на загаженном кафеле. «Ты кто?» – промычал он как гнусавый теленок. «Вали отсюда!» – приказала я. Обкуренные ублюдки частенько путали «м» и «ж», и увидеть в дамских уборных шатающегося жлоба не считалось редкостью. «Что?» – приходил в себя грязный тип. «Ты попутал!». Перепалка продолжалась пару минут, пока на мой зов не прибежал детина в тертом пиджаке и не поднял ублюдка на копыта. Я ошиблась, когда определила в спасителе охранника клуба. Детина работал на эту сволочь, охраняя его от нахалок типа меня. «Увидите его! Он сейчас сблюет!» – командовала я, понимая, что нахожусь в выигрышном положении. Действительно голова недотепы клонилась к толчку. Детина нагнулся, прислонив колени к кафелю и нагнул голову подопечного в очко, промочив залезанные волосы. Послышался желудочный скрежет и клокочащий рев. Я сморщилась и отвернулась, достала одноразовую салфетку и прижала рот. Слюни вырывались наружу как в приступе эпилептика. Вонь вскружило голову, и я сама чуть не очутилась на кафеле.

Телохранитель пару раз мокнул подонка в толчок, смысл

дерьмо, снова мокнул и вытащил за шкуру обновленного, заблеванного, но довольного с невинной улыбкой младенца. Мажор пребывал на небесах, а я осталась без кайфа, не заметив, как выронила порошок на пол. Он тут же смешался с грязью и потерял волшебные свойства. В дерьме очутилась и я по самые уши. Выплюывая мокроту под ноги недоноска, я требовала извинений. Он тарасился на меня с видом просветленного старца. Тогда я перешла на охранника и ударила его сумочкой в пивной живот. «Извини за беспокойство!» – проревел он басом, добавив сермяжного мата в адрес клиента. Наносить второй удар я не решилась, догадываясь о возможных последствиях.

«Я Кеша! Для своих – Бизон, – прозрел клиент. – Поехали с нами!». «Пошел ты!» – огрызалась я, целясь острием сумочки в переносицу. До коронной атаки дело не дошло. Заботливый телохранитель выволок мразь из кабинки, волоча по полу, оставляя серо-зеленые следы в стиле граффити.

Спустя час Бизон подошел ко мне, когда я сидела на диване и подсчитывая убытки. Он осмелился угостить меня виски и попросить прощения, успев привести себя в чувства. Тогда я не приняла его извинения. В ту сказочную ночь он был моложе и стройнее, а сейчас походил на Трахтенберга объемом живота и размером брюк, но не остроумием. После мы стали «типа приятели» и ханжески здоровались на вечеринках. Заметив меня, Бизон смущался и норовил улизнуть, вспоминая минуты позора, а я приветствовала его иронич-

ным взглядом и подташниванием под ложечкой. С тех пор я завязала на два года, а сорвалась по глупости, справлялась с депрессией.

Клетка появилась год спустя на каком-то празднике, где я очутилась по чьей-то непростительной шутке. Она поражала нас дурным вкусом, малолетством и до предела гипертрофированной глупостью. Клетка была блондинкой в формах, настоящей пышечкой с пробитой мозговой раковиной, протекающей канализационным стоком с момента рождения. Они подошли друг к другу как Шрек и Феона. Их свела проказница судьба, подарив обоим нежданный подарок. Сошлись, как пазлы детям до пяти лет. Быстро и прочно. Бизон очутился в Клетке в полном смысле этого слова. Она выпускает его только на прогулку только на привязи.

С ней я находилась в абсолютно параллельных отношениях и мечтала отдохнуть в более приятном обществе. Оглядев неразлучных голубков, я отметила, как Клетка похорошела, чуть спустила щеки и бедра, не пугает обтягивающими джинсами и носит широкие платья. Бизон остался неизменным: тот же нахрап и дурость, но пузо не выросло ни на дюйм – плюс.

Несколько слов об их кличках. Смешная история. С Бизоном более – менее ясно – он любил посещать легендарную пивнушку, став ее необъявленным символом. С Клеткой получилось прозаичнее. Как-то раз ей не повезло очутиться на вечеринке в сомнительном месте и в самое неподхо-

дяде время. Нагрянули наркоконтроль и полиция нравов. Отдыхающих скрутили, уложили макияжем на пол, а некоторым несчастным подсыпали героин. Досталось и нашей суперблондинке. Вместе с отрядом обличенных проституток ее доставили в лягушатник и продержали в переполненной камере двое суток, пока она доказывала свое благородное происхождение и резала вены об прутья решетки, намереваясь облить всех голубой кровью. Номер с кровопусканием не прокатил, но двое суток полицейские педанты продержали страдальицу-аристократку в клетке. Кошмарная история потрясла всю тусовку. Усилиями предков полиции вставили пендюлей. Один из высших мундиров, затеявших этот маскарад, даже потерял засиженное кресло, но странное прозвище прилипло к невинной девочке, сопровождая ее по сей день в кругах посвященных.

– Привет!

– Здравствуйте, – выдавила я, обиженно уставившись на парочку.

– Давно вас ждем, – сказала Кристина. – Мы уже обсудили детали, так что зря торопились. Не хватает только моего зайчика.

– Зайца? – протянул Бизон. – Сейчас модно заводить домашних тварей.

– И тебя в том числе, – усмехнулась Клетка. – Яна, а ты одна?

– Как видишь.

– Нет! Ты не можешь быть одна. Одинокая Яна Даль – нонсенс! Я каждую неделю слышу, как ты крутишь роман с очередным толстосумом, и покрываюсь черной завистью.

– Слухам верить нельзя.

– Слухи не рождаются на пустом месте.

– У тебя появится возможность выудить информацию из первоисточника, – задето произнес Бизон.

– Яна у нас женщина – вамп? – не удержался Аскольд, – здорово! Подобные особы попадаются редко, а я подозревал, я подозревал. Послушай, Антош, нам предстоит увлекательный отдых. Яна разобьет чье-то сердце. Кто падет первым? Очень любопытно понаблюдать.

– Смотри, береги себя! Не обожгись, герой! – встала на защиту Кристи.

– Ладно вам! Я не кровожадная! – нелепо улыбалась я, задетая за живое. Как эта подлая Клетка посмела цапнуть меня?! Убью! – Можете не опасаться, я не кусаюсь, и ногти мои не заточены как ножи.

Самым дальновидным оказался Антон.

– Похоже, кто-то уже пострадал. Я буду осторожней.

– Будь, – не разочаровывала я, показав сломанный ноготь. – На нем спекшаяся кровь последней жертвы! Кто-то из вас станет следующим. А если и я стану жертвой? Вы, Антон, тоже пугаете меня. Даже не пугаете, а настораживаете. Но я не называю вас врагом и не трещу, что буду держаться от вас подальше, а храню молчание.

Слух – пронизывающая субстанция. Если он появился, то уже не остановить. Он распространяется с силой звука, обходя любые барьеры. Клетка донесла его до честной компании, испортив мне репутацию, и я отправляюсь на виллу с клеймом на шее. Виновата Клетка. Она права – слухи не рождаются на пустом месте. За какие заслуги она так жестко вылила на меня ведро помоев? Почему окатила грязью? Я не делала ей ничего плохого. Неужели по дурости и глупости наша супер – пупер блондинка сболтнула лишнего? Что с нее взять? – спрос невелик, но она пожалеет и научится держать язык за зубами.

Отступления ради, я вспоминаю несчастного Гарика. С ним я обошлась предельно жестоко. Он занимает в ряду моей акварели почетное и красочное место. Я никогда не забуду его «Майбах» с ослепляющей тонировкой и пунцовый кожаный ремень, который я любила сдирать в приступе страсти. Род деятельности Гарика определить сложно. Он чернее, чем чернота, внешне и внутри, но я тогда я была рискованной особой и пускалась в игры, не боясь любого исхода. Гарик – конгломерат и мутант, смесь разных оттенков. В нем полным-полно коричнево-черной краски с набросками красного и желтого. Сложный человек, достойный упоминания. Единственный, кто долгое время был ко мне равнодушен и хранил бдительность. Лишь спустя месяц сдался как все его предшественники. С ним я напрягалась долго, потела, вертела, извивалась как змея и достигла результата. Он единствен-

ный, с кем я познакомилась за границей. Единственный, кто не слышал обо мне и не знал моего отца. Гарик любил шотландский виски и курил сигары «MonteKristo», имел массу вредных привычек, за что его с легкостью можно возненавидеть. Я любила подонков и подлецов, точнее, тогда мне казалось, что любила. О его бизнесе я узнала позже из прессы, когда папочка, перелистывая «Коммерсант», наткнулся на суровую статью и не поленился прочитать ее вслух, возмущаясь, как министерский чиновник перед уведомлением об отставке. В статье говорилось о том, как плохие дяди отбирают у хороших бизнес, захватывают их предприятия, заводы, терминалы, банки, рестораны и присваивают себе, основываясь на подложных документах и силовой поддержке подкупленных агитбригад из охранных организаций.

«Рейдерство наступает!» – грозно указывал заголовок. Я не имела об этом понятия, так как не увлекалась войнушками и не имела за собой предприятий. Собственностью владел папа. Конечно, эта проблема его заботила, хотя он был уверен и вполне оправданно, что она его никогда не коснется, но по возмущаться за других даже моему бессердечному в деловых кругах титану полезно. Статья прилетела первой ласточкой. До скандальных творений Астахова народ пока не дожил, но словечко ходило в узком обиходе и распространялось как медленная инфекция – тихо и незаметно. В статье приводились примеры захваченных частных объектов, искусственно объявленных банкротами, а дальше вездесу-

ший журналист, этакий новоиспеченный мистер Паркер, поделил рейдеров на «белых» и «черных», утверждая, что за ними будущее и предохраняться нужно уже сейчас. Позже папа выведаль, кто проплатил статью. Оказалось, сами рейдеры. За невидимой схваткой стоял серый кардинал по фамилии Вартанян. Папа понятия не имел, что он за птица, и не собирался связываться, дабы не навлекать на себя опалу и газетных писак.

День спустя мы катались по Москве – реке на яхте Гарика. Почему-то он особенно сверкал зрачками и налегал на «Asti Mondoro». Я спросила: «Мы что-то празднуем?» Он покачал распушенной шевелюрой и громогласно заявил, как скоро вся Москва будет в его руках. Я удивленно взглянула на рассекаемые острием яхты волны и не поверила, спросив, неужели он собирается баллотироваться в меры или госдуму? Это глупо и бесперспективно, добавила я, а он рассмеялся и налил мне шампанского. Лишь спустя месяц я узнала, что первый московский рейдер – мой ненаглядный Гарик Вартанян. В первые секунды я не поверила, а минуту спустя испугалась, а через полчаса смеялась над ним, над собой и над его жертвами. На мгновение я ощутила себя московской царевной, плывущей по величественной реке и осматривая владения. Осознание отношений с обычным разбойником с большой дороги пришло молниеносно. С юных лет я опасалась бандитов и презирала телок, продававшихся кожаным пиджакам и «черным бумерам», невольно очутившись с ни-

ми в одной упряжке. Надо бы выпутываться и выпрыгивать из этого борта – великий позор на всю Рублевку. Не дай бог, папа узнает. Кругом его глаза и уши. В душе противно и тошно. В общем, пора завязывать.

Как известно любому честному комсомольцу: попасть в плохую компанию легко, а выйти из нее сложно. Прыгать за борт я не собиралась и не подавала виду. Гарик зажигал во мне желание к дикому мужчине.

Внешне он представлял собой пресловутое лицо кавказской национальности с примесью многих кровей – турецкой, с наследия османской империи, как он любил повторять, что-то от греков и грузин, и невесть каким образом взявшаяся армянская фамилия. Гарик связывал ее с линией деда и использовал для конспирации, чтоб при случае надавить на общину.

В постели он заводил меня ураганом. Победоносно совратил меня силой как успешный завоеватель. Взял сразу своей чернеющей чернотой. Он почти меня изнасиловал, и если бы я сопротивлялась, то испытала бы много боли и крови. Он заводил меня с полуслова. С шокирующего аромата его густых и поразительно жестких волос, с небритой шеи, которую я любила поглаживать, обжигаясь об тлеющую кожу. На его правой щеке выделялась круглая родинка. Я ласкала ее привередливым язычком, пока она не начинала темнеть. Именно Гарик научил меня симулировать оргазм. Как я докатилась до такой жизни? Банально. Спустия полгода его страсть

обернулась маленькой проблемой – он слишком сильно заряжался, и его батарейка быстро кончалась. Шарик сдувался как сифон. Я пропускала это мимо, злилась, утешала, снова злилась и уже проклинала про себя, чувствовала вину, а потом научилась мастерски играть, заряжая себя кукольными эмоциями. Гарик заряжался в ответ, и от моих стараний появлялся добротный толк. Он меньше волновался, не боялся стусеваться и кое-как продлевал интим, а я представляла себя персонажем эротического бродвейского мюзикла.

Однотипные актерские упражнения быстро надоели. Гарик привык обманывать себя, считая себя королем безудержных оргий. Наивное, ребяческое заблуждение. Любой мало-мальски здоровый мужик покажет ему класс на моем примере. Логично предположить, что другого любовника не могло быть даже в самых страшных фантазиях. Повинуясь крови наследия османской империи, Гарик дико ревновал и не подпускал соперников на расстояние пушечного выстрела. До поры до времени это забавляло, а затем начинало угнетать, потому что я хотела другого общения. Вокруг кружились привлекательные персоны. Он отгонял их мухобойкой, и я сердилась, наливаясь злостью. Гарику не замечал проблем дальше своего вытянутого носа. От моих обманов его нос день за днем непонятным образом удлинялся, покрываясь угрями.

Наступила момент расставания. Заявить Гарику в лицо: «Я не люблю тебя!» – означало огласить себе приговор. Нуж-

но поступить мудрее. Внезапно у Гарика возникла серьезная проблема, притягивающая к себе остальные неприятности. Из сумрака появились прожорливые конкуренты, такие же отъявленные мерзавцы. Братва делила территорию. Москва не резиновая, и приходится делиться, но никто не собирался уступать ни метра. Гарик пользовался уважением, перед ним многие накладывали в штаны, но он зарвался, выражаясь их языком «чисто обарзел». Требовалось поставить его на место, а если не получится, что невозможно в его коронном положении, тогда убрать, что проще пареной репы.

Ищите женщину. Развязка получилась как во французских детективах. Один коллега по его бизнесу положил на меня глаз. Я смекнула использовать ситуацию в своих целях. Второго бандита мне не перенести, но отвязаться от первого с его помощью можно. Я поступила честно, не сдала Гарика и даже не подставила, а лишь пожаловалась дебилу по кличке Удав на свою печальную участь, что сижу в клетке, не дышу воздухом и полностью лишена нормального человеческого общения, а ведь я свободная женщина.

Удав принял мои крокодиловы слезы за чистую монету. Через неделю мир потерял пионера рейдерства. Его застрелили на Тверской, когда он садился в лимузин, выходя из гостиницы. Два выстрела в упор. Последний контрольный. Полиция справедливо списала убийство на бандитские разборки. Пресса состряпала пронзительную статью, предрекая передел собственности. Папа снова процитировал мистера

Паркера, не догадываясь, что я имею к этому нашумевшему делу непосредственное отношение. Я была несказанно счастлива отвязаться от криминальной среды. Век Удава был короток. Неуловимые мстители прикончили его в отместку за своего патриарха. Так я без шума и пыли отвязалась от двух назойливых отморожков без помощи свыше.

– Ян, не уплывай от нас! – послышалось рядом.

– Я задумалась и отвлеклась, – пролепетала я.

Кристина галдела как сорока.

– Кто возьмет на себя организацию тура?

– Расслабьтесь, девочки. Все беру на себя, – смело прозвучал Аскольд.

Как мило с его стороны. Раз это его затея, то почему мы должны суетиться?! Пусть он и занимается. Проблем не будет. Слишком гладко начиналась наша возня за исключением безответственной выходки Клетки.

– У меня есть пара вопросов, – загоготала Клетка.

– Спрашивай, – рулила Кристина.

– Мы точно едем в Италию? Говорят, там сейчас дожди и жутко холодно. Может, сменим маршрут?

– Что ты несешь?! – зарычала Кристи.

– Это полная глупость, – поддержал Аскольд. – В Италии сейчас самое время загорать на горячем песке. Ты перепутала с Тайландом.

– Догадываюсь, – обиженно промычала Клетка.

– Дожди – это круто, – прозвучал Антон. – Мы разгневаем

богов своим отдыхом, и они подарят нам циклон, чтоб смыть нас оглушительной волной, или нас накроет цунами и унесет в глубины Средиземья.

– Ты разве язычник? – не удержалась я. – Веришь в разных Богов?

– Я любил древнегреческую мифологию

– В следующий раз приглашу вас на Крит, – пообещал Аскольд.

– Ого! – причитала Кристина. – Будем дружить. Я там была и не встретила ни одного Кентавра.

– Кентавры пугливые создания и редко появляются на виду, – заметил Аскольд. – Ты их напугаешь! Особенно, если начнешь щелкать снимки. Пристального внимания монстры не переносят.

– Чувствительны к вспышкам света?

– Вовсе не переносят свет. Если хочешь устроить охоту на Кентавра, следует выходить ближе к закату. Но берегись! Ты сама можешь стать наживкой. Были случаи, когда на островах исчезали молоденькие девушки.

– Стоп! Это уже реклама! – заявила я. – Аскольд, не трави душу. Тебе пора в турагенты, а не валять дурака.

– Между прочим, я работаю, – обиженно проямлил он. – Иногда.

– Для кого-то праздная жизнь тоже работа, – обреченно произнесла я. – Например, я каждое утро встаю ни свет, ни зря и иду в фитнес, затем в салон и на шопинг, а вечером

в клуб или театр.

– Соглашусь, – поддержала Кристина, находясь на моей стороне в любых ситуациях. Но поддакивать лучше в разумных пределах, чтоб не создавалось впечатление, что рядом сидит попугай, а не уникальная личность.

В отличие от Антона я равнодушна к любой мифологии. Я не язычница и верю в единого Бога, особенно когда у меня кончаются деньги – самое время перекреститься и попросить у творца финансов. Иногда помогает. В древнегреческих баснях я не разбираюсь. Кентавра, конечно, выделю в толпе мегаполиса и на склоне гор, но отличить Гермеса от Зевса и Посейдона затруднюсь. Меня волнуют лишь Афродита и слегка Артемида. С девичьей юности я стремлюсь походить на них и ищу секрет их неисчерпаемой красоты. Выходит, даже я в теме, раз помню их имена. Значит, есть, что обсудить с Антоном, послушав уроки истории. Я буду благодарной ученицей. Клянусь Зевсом!

Неожиданно к беседе подключился Бизон, молчащий весь вечер. Под финальные аккорды он не удержался и разинул пасть. Я уловила тот же привычный баритон и пропитую хрипотцу.

– Если нам осточертеет быть вместе, можно разбежаться по углам. Никто не застрахован от ошибок. Или если кончится пиво?

– Насчет пива не беспокойся, – уверовал Аскольд, – а насчет разбежаться – всегда, пожалуйста. Считаю вопрос

неуместным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.